

Желание
ЗВЕРЯ

АННА ВЛАДИМИРОВА

Анна Владимирова

Желание зверя

Серия «Медведи Аджуна», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67740782

Желание зверя: Avtorskie-txt; 2021

Аннотация

К зверю в клетке подходить нельзя. Загнанный в угол, смертельно опасный и без-жалостный, он никого не пощадит на пути к свободе. Только что делать, если зверь – единственный, кто может согреть холодной зимней ночью? А еще он один может спасти маленького ребенка, который ждет моего возвращения домой...

Потому что этот ребенок – его.

Роман-редакция "Собственность зверя". В роман включен Бонус "Во власти зверя"

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вдребезги	13
Глава 2. Побег	32
Глава 3. Долгая зима...	52
Глава 4. Возвращение	64
Глава 5. Надежда	74
Глава 6. Возвращение	84
Глава 7. Ожидание	97
Глава 8. Встреча	106
Глава 9. База	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Анна Владимирова

Желание зверя

Пролог

Ноги дрожали так, что я еле спустилась по железным ступенькам, впиваясь в поручни. В лаборатории горели приглушенные лампы – им всегда было плевать на подопытного, что он не спит из-за света... Столы идеально прибраны, запах антисептиков въелся в кожу и заменил воздух.

Здесь, под землей, оскверненной дикими издевательствами над живым существом, сложно поверить, что всего в нескольких метрах над головой находится невероятной красоты ледяной мир вечной мерзлоты. Мир, в котором это прекрасное создание было королем...

Я приблизилась к клетке, и белый медведь поднял морду. Несмотря на то, что измучен, он все равно оставался невероятно опасным. Оборотень, редчайший экземпляр... Последний.

– Привет, – присела я у клетки. – Принесла тебе еды. Поешь, а?

Я уговаривала его уже третий день, но он только смотрел на меня темным взглядом... и молчал.

– Слушай, я последний раз прихожу, наверное, – несла я

чушь. Голос охрип, зубы стучали от страха...

Но не этого зверя я боялась. Я была в ужасе от того дерьма, что пришлось лицезреть последнюю неделю. Сказка, которую предвкушала, обернулась кошмаром.

Я приехала на северную исследовательскую базу, которую основал отец, чтобы изучать ее жизнь... а попала на живодерню. Но самое жуткое то, что люди, которых знала столько лет и считала обычными, оказались моральными уродами. В том числе и тот, за кого собиралась замуж...

– Эй, – шмыгнула я носом, – ну возьми...

И я положила кусок ветчины на границу решетки. Мои моральные силы были на исходе. Я не могла жить с тем, в чем пришлось участвовать, и не могла понять, как живут другие. Как они вообще спят ночами, зная, чем занимаются тут же – несколькими этажами ниже?!

Медведь тихо, но величественно зарычал, выражая презрение ко мне и всем, кто его окружал. А я прикрыла глаза...

Когда впервые увидела его в клетке, потеряла дар речи и проревела всю первую ночь, вспоминая взгляд оборотня – гордый и несломленный...

Он убил пятерых за то время, что его тут изучали. Один зазевался, прямо как я сейчас. Но на меня зверь не кидался. Он на меня смотрел. Ни на кого больше – его взгляд всегда был поверх людей. А мне смотрел в глаза. И все это замечали. Поэтому я старалась не появляться в лаборатории лишней раз, но ноги все равно несли меня сюда при первой же

ВОЗМОЖНОСТИ.

– Как мне тебя вытащить? – всхлипнула я.

Я таскалась к нему каждую ночь в пересменку. Заметила, что охранники мешкали примерно час между уходом одного и выходом другого. И в этот час я прокрадывалась в лабораторию.

База была в стадии запуска, видеонаблюдение не работало – из-за аномальных температур не выдерживало жизнеобеспечение, и все силы бросали на проблемы поважнее, экономя ресурсы. Никто не думал, что на базе найдутся идиоты вроде меня, которые полезут к медведю в клетку.

Сегодня мы поругались с отцом вдрызг. Я сказала, что ноги моей не будет тут и что не смогу считать отцом человека, в мире которого так просто льется кровь живых существ. Он орал, что я хреновый патриот и не умею расставлять приоритеты. Что северная зона – единственная, на которую не претендуют оборотни в нашем мире, а ископаемых тут гораздо больше, чем на территориях, на которых мы с ними конкурируем. Мол, нужно думать о будущем. Оборотни, которые тут изредка встречаются – одиночки, и удержать за собой этот край они не могут. Но все секреты – в них: они знают этот мир, знают, как тут выжить...

...Но никогда не скажут.

– Эй, – прошептала я, глядя в черные глаза зверя, – как тебя зовут?

Его пытались заставить обернуться. Но ничего не выходи-

ло. Зверь мучился, но не поддавался.

– Прости... – И я заплакала, зажмурившись.

Чувство собственной беспомощности и бессилия разъедало изнутри кислотой. Я не знала, как буду жить после этого дальше. Все, чему меня учили, имело совершенно не прикладной характер, потому что прикладывать его к кровавым отпечаткам на снегу я не буду.

Зверь вдруг судорожно вздохнул, и я открыла глаза, напавшая на его взгляд – завораживающий и темный. И я даже не сразу поняла, что он меняется – так это выглядело жутко. Хотелось бежать, но ноги приросли к полу. Когда звякнули цепи и на горле сомкнулись стальные пальцы, я только дернулась, но бесполезно. Все, что могла – вцепиться в прутья клетки, но это мне никак не поможет.

Передо мной сидел мужчина. На лице его читалось столько злости и ненависти, что не оставалось сомнений – он меня прикончит. Его взгляд будто выжигал воздух, и я открыла рот, пытаясь не задохнуться.

– Открывай клетку, – прорычал он натурально, едва складывая слова. При этом сжал пальцы немного сильнее, и я выпустила прутья и обхватила его запястье. – Клетку!

И он потряхнул меня так, что в глазах потемнело. Я вскинула руки к замку и забегала пальцами по кнопкам. То, что я подсмотрела код однажды, неожиданно отсрочило смерть... Замок щелкнул, но зверь не отпустил – так и поднялся со мной. Только вдруг опустил взгляд, а я устала на него...

– Пожалуйста... Я не хотела, чтобы так...

Мысли путались, язык заплетался. А он продолжал смотреть на что-то под ногами, и только тут до меня дошло – кусок ветчины, что я ему принесла.

Когда он поднял на меня глаза, сердце пропустило удар. А он медленно потянул меня к себе за шею... Я встала босыми ногами на носочки и снова схватилась за его запястье, не в силах даже моргнуть.

У него оказалась необычная внешность – никогда не видела таких людей. Черные брови, такие же волосы и очень светлая кожа. Но самое невероятное – глаза. Черные радужки сливались со зрачками, а сама форма глаз была очень непривычной – вытянутой к виску, как у совсем забытого людского племени, жившего в этих краях в давние времена. Дьявольские инженеры прошлого соединили когда-то в этом существе два исчезнувших вида... И теперь и он остался последним.

Когда он протянул ко мне другую руку, я не выдержала и зажмурилась. Сердце заскакало в груди и загрохотало в висках так, что, казалось, разбудит всех на базе. Только по ушам вдруг мягко спружинило его тихим «ш-ш-ш». Я ошалело осознала, что он ведет носом по шее, а кончики моих пальцев барабанят дрожью в его голую грудь. Когда кожу вдруг ошпарило укусом, я взвизгнула и забилась в его руках, распахнув глаза.

Его взгляд поменялся. Он смотрел на меня так странно,

будто теперь я покрылась шерстью и отрастила зубы. Но долго рассматривать в его планы не входило, и он дернул молнию моего комбеза, оголяя грудь. Влажную кожу противно лизнуло холодом. Два шага – и я оказалась задницей на ближайшем металлическом столе. Крик застрял в горле, а зверь дернул комбез с плеч, оставляя меня наполовину голой, и прижал к себе, впиваясь пальцами в волосы и вынуждая подставить ему шею.

В мыслях мелькнуло – может, он кровь пьет? Потерял много сил от голода и издевательств и теперь... Солнечное сплетение лизнуло жаром, и я сжала ноги на его бедрах, еле осознавая... что он покрывает шею мелкими укусами... которые были больше похожи на поцелуи, чем на попытку порвать мне горло. По коже прошла волна мурашек, и я взмокла, будто меня лихорадило. Но с губ не срывалось ни звука протеста – что такое обменять жизнь на... что? Что он делал?..

А что делала я? Я просто замерла и зажмурилась, когда он приподнял, перехватив поперек ребер, содрал комбез и бросил его к ногам. Между нами не осталось никаких преград, кроме моих трусов, да и те сдались от одного его рывка. Его кожа теперь казалась горячей, а меня уже не на шутку трясло, и я не находила в себе сил сопротивляться его рукам... Он казался единственным, кто может согреть этой бесконечной холодной ночью. В голове мешались недавние воспоминания – клетка, холодное железо, взгляд... Сознание пыта-

лось взять верх, вернуть меня в реальность... Но тело плавило в неожиданно чутких горячих руках, и я все больше погружалась в какое-то забытье.

Может, он убил меня, и это все – трюки мозга?

Но тело утверждало обратное – все было слишком реально. Его ладонь на груди, мой стон на его болезненное сжатие и воспаленный жар на губах от его губ. Я лишь немного пришла в себя, когда его руки исчезли и легли на бедра. Пальцы мужчины больно впились в кожу, и он рванул меня к краю стола, но эта боль была ничем по сравнению с тем, когда низ живота опалило будто ожогом, и по телу покатился едва переносимый болезненный спазм. Я задохнулась, раскрыв глаза, и сипло вскрикнула, но зверь не дал передышек – прижал мои бедра к своим и ворвался в меня полностью...

Наши взгляды встретились, когда я вцепилась в его плечи, пытаясь себя спасти и оттолкнуть его, но на этом силы и кончились. Зверь болезненно хмурился, сцепив зубы, и мне подумалось, что, может, не он виноват... что все так... и кто-то должен был расплатиться...

Но в следующий вдох он притянул мое лицо к своему и нежно коснулся губ своими... И в эту короткую передышку стихло все – боль, страх, отчаяние... Когда он снова качнул меня на себе, по телу покатилось тепло, а из глаз выступили слезы. Я сжала пальцы на его плечах и прикрыла глаза, погружаясь в это чувственное спасение. С губ сорвался первый робкий стон, между ног, казалось, все натянутым до предела,

но больно больше не было. Стоило расслабленно упасть в его руки, он сильнее сжал пальцы на бедрах и задвигался быстрее, не щадя меня больше. Я выгибалась, сжималась внутри, и зверь рычал все ярче... Мы будто боролись друг с другом и каждую секунду сдавались с моим стоном и его рычанием. Никогда еще меня не размазывало так от противоречий – страха и желания. Это место казалось мне самым жутким, в котором можно оказаться, и, в то же время, самым желанным. Нерациональное чувство защищенности наполнило до краев, и я сама сжала ноги на бедрах мужчины.

Но он вдруг толкнул меня на холодный стол спиной, выдирая из тепла, и с силой задвигался, причиняя боль снова. Я всхлипнула и выгнулась, дурея от холода железа и силы зверя. Хотелось, чтобы все скорее кончилось... И он, кажется, разделял мое желание. От нового витка боли я дернулась, вскрикнув, но он только сжал пальцы на бедрах, оставляя на коже горящие следы и дрожь от рычания, которая, казалось, сбивала все мои жизненные ритмы. Сердце дергалось в груди через раз, легкие все не удавалось расправить, а низ живота горел от непонятного напряжения.

Когда где-то далеко что-то грохнуло, зверь вскинулся... Выпустил и заревел так, что я думала, все стекло в лаборатории рассыплется. Когда разлепила глаза, человека и след простыл – передо мной снова стоял медведь, загораживая собой проход. На мельтешение фонариков в коридоре он снова угрожающе зарычал и бросился на людей. А я сползла со

стола и, кое-как нащупав трясущимися руками комбез, едва успела втиснуться в него, когда в лабораторию ворвался отец.

Глава 1. Вдребезги

– Лали! – Его крик резанул по ушам, и только тут я услышала звон. Кровь возвращалась к голове нехотя, а желудок скручивало от дурноты. – Квинс, врача сюда!

– Не надо мне врача, – прохрипела, натягивая ворот комбеза на шею. – Он ничего мне не сделал.

– Ты в своем уме?! – И отец попытался дотронуться до меня, но я отскочила от него, как ошпаренная.

– Не трогай меня! – вскричала.

– Лали!

– Хватит с меня! Я хочу вернуться домой!

– Что с тобой сделал медведь?

– Ничего он не сделал – отлетела просто от него и ударилась боком, – красноречиво зажала рукой правое подреберье. – С ушибом я и сама справлюсь, а видеть все это не могу.

– У тебя, может, сотрясение, – упрямо не пропускал меня он.

– Нет у меня сотрясения. Я – врач. Пропусти!

– Сэр, оборотень сбежал, – вдруг раздалось в коридоре, и в лабораторию вбежал начальник службы безопасности. Я не знала их по имени, а тех, кого знала, старалась забыть. Этот, как и все остальные, принимал происходящее как должное. От новости у меня едва не подкосились ноги.

– Как?! – взревел отец.

– Он стал биться в люк, и если бы выбил – нам бы всем тут пришлось туго, – спокойно докладывал мужчина. – Я принял решение открыть двери.

– Ты уволен! – рявкнул отец.

Я только презрительно усмехнулась. Внутри все закручивалось в комок, и он стремительно тяжелел, утягивая к земле. Я развернулась и направилась к себе в комнату под вой сирен и аварийное освещение. К счастью, никто больше не настаивал на моем осмотре. Я доползла до двери и, захлопнув ее за собой, провернула ключ. По ногам текла липкая струя, пачкая кожу и ткань, но остервенело сдирать с себя последствия не тянуло. Я думала – разрыдаюсь, но внутри все только покрывалось коркой льда.

Зверь не виноват. Что с ним сделали и чем кололи – хороший вопрос. Он был явно не в себе и избавлялся от боли как мог. Повезло, что не убил...

Повезло...

И вот тут по щекам все же покатались слезы. Нет, я не считала, что обязана расплачиваться за всех. Но мой мир все равно был разбит вдребезги. Я вспоминала гордость за отца, прорвавшегося на далекий север и получившего финансирование на разработки. Мне так хотелось стоять рядом с ним на этом пути, а теперь – бежать без оглядки и никогда больше не видеть этот край, эту базу... и взгляд этого зверя.

Стоило прикрыть глаза под струями едва теплой воды, и я снова видела, как он смотрит на меня. Его взгляд прорирал

до внутренностей. Он будто остался внутри и продолжал там выжигать все. И тем страшнее казались трезвые расчетливые рассуждения, всплывавшие в голове. Что нужно будет сходиться к женскому врачу... А еще, скорее всего, понадобится психотерапия... И много-много решений по поводу будущего, в котором больше не будет ни отца, ни его планов на мою жизнь.

– Лали! – раздался стук в двери, когда я выползла из душа. – Лали, открой!

Я медленно втянула воздух и прошла к двери. Щелчок замка больно прошелся по подушечкам пальцев, и вдруг вспомнилось недавнее ощущение кожи зверя под ними...

– Ты как? Твой отец рассказал, что на тебя медведь напал...

Я медленно моргнула, наводя резкость на лице Пола. Каким же он стал чужим за какие-то часы. Жизнь разделило на «до» и «после». Еще утром я смотрела на спящего мужчину, за которого собиралась замуж, и думала, что не чувствую к нему больше ничего. Я восхищалась Полом не меньше, чем отцом. Но теперь все поменялось. Теперь я видела беспринципную тварь и, наконец, признала свое поражение по всем фронтам. Молодой ученый и сын выдающегося исследователя казался мне достаточно логичной парой – меня устраивала упаковка. Но нутро оказалось дерьмовым.

– Он на меня не нападал, – холодно выдохнула я. – Просто пробежал мимо, а я упала...

– Дай осмотрю тебя, – принялся привычно командовать Пол.

– Нет.

– Ляг, я сказал, – сдвинул брови он.

А я смотрела на него, продолжая погружаться в собственное озарение. Как же в этом мире все становится на свои места – слетает вся мишура, оставляя только суть.

– Нет.

– Ты чего добиваешься?

– Чтобы ты забыл, что мы были вместе.

– Тебя головой приложило? – удивился он.

Я только презрительно усмехнулась.

– Уходи.

– Что?

– Что слышал. Между нами – все.

– Лали... тебе повернуло голову на всем произошедшем, но это не повод...

– Уйди, Пол.

Он еще на некоторое время задержался на мне взглядом, потом развернулся и вышел. А я снова щелкнула замком и поползла в постель.

Я обязательно все это забуду... И начну заново.

Обязательно...

Только у жизни были свои планы...

– Мисс Спенсер, присядьте, – вошла в кабинет мой доктор. Я же стояла у окна, не в силах пошевелиться. Ее тон не понравился. А я все не могла допустить мысли, что...

– Я беременна?

Она задержалась на мне взглядом.

– Да. Из вашего рассказа выходит, что срок около четырех недель.

Ноги подкосились, и я кое-как добралась до кресла, чтобы не растечься по полу. Перед глазами будто все померкло, остался только темный взгляд, что не давал покоя.

Месяц прошел, но каждую ночь я возвращалась к нему. Смотрела в глаза, жалась к теплу, плакала на его плече от тупой боли и тоски не пойми о чем... Зато теперь стало понятно. Моя задержка – не ответ организма на стрессы и перелеты.

– Давайте принимать решение, – вернула меня в реальность доктор, и я медленно подняла на нее взгляд. – Вижу, что легким оно не будет. Беременность нежеланная?

Я медленно моргнула, не в силах протолкнуть ком в горле. Ее тон не понравился.

– Я только хотела бы знать, что все конфиденциально. – Голос охрип.

– Это главный принцип работы клиники, – уверила она

меня.

– Я вам позже позвоню, – поднялась как во сне и вышла в коридор.

Как нашла двери в туалет – сама не знаю. Почему я не допустила такой исход и не пошла в другую клинику?! Если отец узнает...

Я сползла до пола и подтянула колени к груди.

* * *

Отец вернулся две недели спустя. Все, что меня интересовало – чтобы не нашли медведя. Они и не нашли. Молодец, умный зверь – не попался людям снова. А вот я в ловушке...

Я опустила дрожащие ладони на плоский живот. Как? Как так вышло? Один раз... такой страшный... и ребенок? Стоило только вспомнить, что это будет за ребенок, и меня начинало трясти. Мать до сих пор планирует пышную свадьбу, а у меня просто не осталось моральных сил объяснять ей, что никакой свадьбы не будет.

После возвращения я месяц просидела в тишине загородного дома, пытаюсь забыть все, что произошло, и продолжить жить. Но оказалось, что жизнь безнадежно увязла в страшном кошмаре. Я будто попала из теплого течения в бурную горную реку... Думала, перемололо, но уже отпустило, и осталось только плыть дальше. А оказалось, что меня несет к обрыву...

Я кое-как собралась с силами и вышла из больницы. Но чем дальше уносили ноги, тем больше понимала – я не вернусь и не решусь прервать беременность. Пусть это будет мое самое идиотское решение, но я не смогу убить ребенка. Никакой психолог меня не отговорит от этого.

А дальше мысли взорвались и разнесли все надежды и планы. Пока никто не знал, что вся моя жизнь уничтожена до самого основания. Но начиналась другая... в которой мне предстояло выжить.

И родить ребенка от последнего в своем роде оборотня...
Дождь шел с самого утра. Я, как и всю последнюю неделю, сидела в машине у ворот перед жилым комплексом в центре Смиртона. Жизнь встала на паузу. А я гипнотизировала ворота, ожидая машину с номерами Аджуна.

Все, что мне удалось узнать благодаря моим скромным связям – это что есть некая Виктория Арджиева, которая работала раньше в департаменте исследований и разработок, но потом вышла замуж за Рэма Арджиева и уехала в Аджун – резервацию оборотней за стеной.

И она была единственной, кто, как я ожидала, может мне помочь и... понять. Я пересмотрела все новости за эту неделю о ней и Рэме, перечитала прессу... Они растили двоих детей – старшего мальчика и младшую девочку. Виктория продолжала заниматься исследованиями, но уже на территории Аджуна. А я все ждала ее приезда, чтобы попросить о помощи.

Я потянулась за термосом и принялась откручивать крышку. Было холодно. Я мерзла везде. Внутри меня будто льдом напичкали, и он не только не таял, но и морозил внутренности. Понятно, что это последствия. Но я будто захлебывалась, не в силах с кем-то разделить это все. Мать ходила вокруг кругами, настаивала на том, чтобы я встретилась с Полом, терзала отца открыть ей правду о том, что случилось на базе. Но он молчал. Потому что не знает. А я не скажу, потому что она не поможет.

После новости о беременности я настояла снять квартиру в центре, наврала, что мне ближе к университету, удобнее готовиться к защите диссертации. Но вся эта ложь оседала тяжелым камнем на сердце. Я чувствовала, как становлюсь чужой в этом городе. Наверное, мне нужна была помощь. Но какому психологу расскажешь, что я беременна от оборотня? Я никому не верила.

Когда на улице вдруг раздался щелчок, я вскинулась, разлил чай на руку, и замерла, тяжело дыша. Перед медленно открывавшимися воротами стоял черный джип. Номер был не местный! И я рванулась из салона под дождь, даже не закрыв двери.

Мне нужно было успеть, пока джип не въехал внутрь. Настигнув машину, я забарабанила сначала по кузову, а потом и по затемненному стеклу. Джип неодобрительно замер. Боковое стекло водителя медленно опустилось, и на меня устремился тяжелый суровый взгляд Рэма Арджиева – я за-

помнила его из многочисленных фотоматериалов в сети. Но не готова была испытать на себе лично.

– Что вам нужно? – жестко потребовал он.

– Простите, пожалуйста, – сбивчиво затараторила я, – мне очень нужна Вика... Мне нужна помощь... Ее помощь...

– Кто вы? – повторил он с нажимом.

– Лали Спенсер, я дочь Грегори Спенсера, мы были вместе на северной исследовательской базе. И я... Они держали там белого медведя-оборотня в лаборатории...

На этом мои моральные силы кончились, и я обняла себя руками. Из глаз покатились слезы, но под дождем их вряд ли было видно.

Рэм сузил глаза, но тут щелкнула задняя дверь:

– Садитесь, – послышался женский голос.

– Машину свою закройте, – добавил Рэм.

– Спасибо! – Я кинулась обратно, подхватила сумку и хлопнула дверцу.

Вика ждала, придерживая свою, потом отсела к противоположному окну. На ее руках спала маленькая девочка.

– Здравствуйте, – тихо поздоровалась я.

– Привет, – улыбнулась она ободряюще.

Машина въехала на территорию комплекса и плавно покатила к ближайшему дому, а я скосила глаза на ребенка:

– Она такая чудесная, – просипела я и прикрыла глаза.

Стало дико стыдно перед ними. Ворвалась к ним в машину, несу чушь... Но только теперь я понимала, что в полном

отчаянии.

– Лали, постарайтесь успокоиться, – тихо заговорила Вика. – Все хорошо. Мы вас в обиду не дадим.

С моих губ сорвался нервный смешок, и я снова заплакала, прикрыв лицо ладонью:

– Простите...

Мы поднялись в квартиру, где Рэм забрал девочку и ушел наверх, а Вика позвала меня в кухню:

– Чай будете?

– Да, – кивнула.

– Сейчас принесу полотенце. Садитесь.

Меня удивило, что Рэм вдруг оставил жену с незнакомкой. А вдруг я больная на всю голову?

Я проследила за Викторией, запоздало думая, что она – мое недостижимое, но такое манящее будущее сейчас. Красивая, уверенная в себе, несмотря на крутой поворот в жизни. Как бы в прессе не старались, все равно было понятно, что отношения с Арджиевым не были для нее подарком небес.

– Нам сказали, что твоя машина стоит недалеко от ворот каждый день, – вернулась Вика с полотенцем. – Так случилось, что мы знаем о тебе уже многое.

Наши взгляды встретились, когда она протянула мне полотенце.

– Понимаю, – кивнула я. – Видимо, ничего криминального вы не узнали.

– Вы – большая умница, Лали. Я восхищена вашими до-

стижениями. Вам всего двадцать один, а вы уже доктор наук...

Я обняла чашку заочеченными пальцами, чувствуя, что даже не знаю, с чего начать просить помощи. И выпалила главное:

– Я беременна от последнего в своем виде оборотня.

Вика медленно опустилась на стул напротив, пристально глядя мне в лицо, а я уже не могла остановиться. Впервые меня мог кто-то не просто выслушать, но и понять. Я рассказала Вике все: как ждала этой поездки, как восхищалась людьми, покорившими суровую природу... и как возненавидела потом каждого, причастного к издевательствам. Рассказать про ту ночь оказалось сложнее всего...

– ...Я не хочу делать аборт, – тихо выдохнула после бивчивого рассказа. – Не знаю почему. Не могу просто... Я стану причастной к этому, если убью ребенка. Не смогу потом жить...

Вика была потрясена тем, что услышала. Смотрела на меня большими глазами, не шевелясь. И тогда я решила, что ей будет проще, узнав, чего хочу от нее:

– ...Я бы хотела, чтобы никто не узнал. Думала, может, возможно укрыться в Аджуне, родить ребенка... получить помощь, если она вдруг понадобится, потому что я ничего не знаю о том, что меня может ждать... Чтобы с ребенком ничего не случилось...

Вика прикрыла глаза, выпрямляясь:

– Конечно, Лали. Мы сделаем все, чтобы ты и ребенок были в порядке. Как вариант, я могу подготовить тебе приглашение на работу в нашем центре.

Чашка затряслась у меня в руках. Я кое-как протолкнула ком в горле:

– Прости... Спасибо большое!

– Все будет хорошо, – встала она и подседа ближе, заглядывая в глаза. – Этот оборотень не виноват...

– Я и не виню его, – мотнула головой.

– Я понимаю, но, может, тебе будет легче знать, что он тебя выбрал. Не специально, но иногда так происходит...

Она вглядывалась в мое лицо, пытаясь, наверное, понять, слышу я ее вообще или нет.

– Что именно происходит? – шмыгнула я носом.

– Выбор. Он не смог ему сопротивляться. – Вика помолчала, хмурясь. – Вообще, сложно представить его состояние. Плюс – неизвестно, какие препараты на нем испытывали и как пытались обратить... Поэтому твое решение оставить ребенка было бы важно и для него. Если бы возможно было его найти...

– Думаешь, он мог вообще не выжить?

Эта мысль сжала сердце, будто лед добрался до него в эту минуту. Я не думала, что оборотень мог не выжить. Радовалась, что отцу и его живодерам не удалось его выловить снова. Но, может, именно потому, что он погиб?..

– Никто не знает, Лали, – качнула она головой. Потом мед-

ленно вздохнула: – У нас в семье есть подобный пострадавший. У него амнезия. Не помнит ничего из прошлого, но сейчас чувствует себя хорошо. Еще одного восстанавливаем в реабилитационном центре. Кстати, с недавних пор нас спонсирует Смиртон...

Я удивленно вздернула брови.

– ...Да. Президент Джонсон очень негативно относится к таким опытам. Очень странно, что тебе вообще позволили увидеть пленного оборотня. За такие эксперименты можно получить тюремное заключение.

– Ничего странного, – прозвучало суровое, и я обернулась к Рэму, вошедшему в гостиную. – У ворот уже стоит мистер Спенсер собственной персоной.

Я медленно поднялась, леденя от ужаса, а Рэм спокойно прошел к кофеварке.

– Он следил за мной, – выдохнула я.

– Варианта два, – продолжал Рэм вроде бы холодно, доставая чашку, но в каждом движении читалась хорошо скрываемая ярость. Он слышал мой рассказ. А я и подумать не могла, что история может вызвать такой диссонанс нашего и иного мира. – Либо мы смягчаем и говорим, что ты просто хочешь в Аджун на работу в наш центр – это было бы логично после пережитого. И тогда до тебя не доберутся, и ты точно сможешь дать показания спокойно. Вариант два – мы защищаем тебя жестче, подключаем президента...

– Отца могут посадить?.. – испуганно пролепетала я.

– Могут, – он устремил на меня режущий взгляд. – То, что ты рассказала тут – тяжелое преступление на государственном уровне. Тем более, если речь шла о последнем в своем роде оборотне. Это нельзя скрывать...

Мне будто в спину кол вогнали. Я замерла, хватая ртом воздух, а Рэм ждал.

– Давай дадим Лали время, – вступилась Вика. – На нее столько всего свалилось... Свидетельствовать против отца – не самое простое решение, Рэм.

Я бы сказала, что вряд ли вообще смогу это сделать. Подняться стоило сил:

– Я пока не уверена, что готова заплатить такую цену за вашу помощь...

– Никакой цены нет, – жестко отбрил Рэм. – Но да, я бы хотел, чтобы подобное перестало происходить регулярно с представителями моего народа...

– Ей вредно нервничать, Рэм, – повысила голос Вика. – Лали, не надо. Никто от тебя не будет требовать подобных решений...

– Дело могут начать не с нашей стороны, – давил Рэм. – И тогда она станет соучастницей.

– Рэм, пожалуйста, давай возьмем паузу, – упорно возражала Вика. – Лали надо подумать, успокоиться. Может, ты не помнишь, но менять жизнь полностью непросто...

Они обменялись долгими взглядами, и Рэм, могло показаться, сдался:

– Хорошо, – перевел на меня взгляд. – Попробуем решить без твоего вмешательства. Если согласишься...

– Что вы имеете в виду?

– Устроим проверку на базе, найдем доказательства содержания оборотней. И накажем. Но без твоего участия.

– Рэм, – взмолилась Вика. – Время...

Он отвернулся к кофеварке, уперся кулаками в стол и замолчал. Вика вздохнула, переводя дух, и продолжила спокойно:

– Скажи отцу, что просто хочешь работать в Аджуне. И что мы согласны тебя пригласить консультирующим врачом. Рэм прав, сейчас это будет выглядеть естественно. А мы тебе поможем. Обещаю.

Я видела в ее глазах, что моя история задела ее совсем иначе, чем Рэма.

– Спасибо.

– Дай мне знать, – и Вика направилась к дивану в гостиной, на котором оставила сумку. Вскоре она вернулась с визиткой. – Звони в любое время.

Я считала код на карточке, и аппарат сохранил контакт.

– Ты сейчас нормально себя чувствуешь? – спросила она уже у дверей.

– Ничего необычного. Анализы пока в норме, никаких отклонений, – доложила я.

– Все будет хорошо, – вдруг взяла она меня за руку. – Как правило, у выбранных женщин беременность проходит без

осложнений.

– Спасибо, – я сжала быстро ее ладонь и вышла из квартиры.

Но одну меня не оставили. Возле лифта догнал Рэм:

– Я провожу.

Я сжалась в комок, но промолчала. Через холл мы прошли вместе.

– Вы меня осуждаете за молчание... – глянула на него, когда он открыл передо мной двери.

– Нет. Я осуждаю виновных. С вами или без вас я все равно их накажу.

Отец стоял возле дверей, сдерживаемый охраной.

– Лали! – нахмурился он, когда мы спустились по ступеням.

– Что ты тут делаешь? – замерла я на нижней.

– А ты?

– Можно вас на пару слов? – потребовал к себе внимания Рэм.

– Кто вы?

– Уверен, вы вспомните.

– Что Лали делала у вас?

– Она хочет работать в Аджуне. А я хотел бы попросить вас не препятствовать.

– Да кто вы такой? – сузил глаза отец.

– Завтра я заеду за Лали в восемь утра, – не придавал значения вопросам Рэм. – У нее собеседование. Прошу не за-

держивать.

И он развернулся и зашагал по ступеням к двери.

– Лали, какого черта ты тут делаешь?! – посмотрел на меня отец.

А я молча смотрела на него. Не видела его почти этот месяц. А показалось – год прошел. И так захотелось все забыть, выслушать его, поверить объяснениям... Но перед глазами снова встал взгляд оборотня в клетке.

– Тот белый медведь... он умер, да? – Голос прозвучал глухо и безжизненно.

Отец прикрыл глаза, качая головой.

– Я не знаю.

Черты его лица заострились, взгляд налился злостью и неодобрением, и меня отрезвило:

– Я не хочу больше иметь с тобой дел. Завтра я уезжаю в Аджун.

– Лали...

– Я хочу хоть как-то смириться с тем, что ты сделал! – вскричала. – Хочу помочь им, чем смогу!

– Лали, они звери! – привычно завелся он. – Ты не видела того, что видел я! Это здесь они носят костюмы и оперируют своими правами, за пределами стены им дела нет до твоих прав! Север – дикий край! Кровь людей там не льется рекой лишь потому, что застывает на лету! Я никогда не прощу этим животным смертей своих людей – ученых, врачей!.. Мы предложили им мир, но они перегрызли горло всем, кто

пытался миром войти на их территорию!

– Может, не надо было идти на их территорию?!

– Как бы тебе ни хотелось, между нами всегда будет война!

Либо они, либо мы! Другого не дано. И они это знают!

– Хватит! – я сделала шаг назад и направилась к воротам.

– Лали! – отец не отставал.

– Я не хочу, чтобы это все было моим миром!

– Ты жила за стеной в тепле, как за пазухой! Стоило вы-
сунуть нос за пределы, и тебя сломало!

– Да, сломало! – закричала я. – И не я в этом виновата!

Ты должен был рассказать! Спросить! Объяснить мне все!

– Я не мог!

– Почему? – сыграла я в дуру.

– А тебе этот не объяснил? – кивнул он зло в сторону дома,

из которого я только что вышла.

– Он лишь был любезен пустить совершенно незнакомого
человека в свой город. Странно для зверя, правда?

– И что взамен? – не отставал отец.

– Мое время, знания... У них не хватает врачей, а моих
достижений более чем достаточно, чтобы получить шанс на
работу.

– Не надо губить свою жизнь из-за всего этого, – перебил
отец. – Возвращайся к Полу, он себе места не находит.

– Посмотрим, – и я зашагала к машине.

Пусть мой мир рушился, все уже не казалось таким без-
надежным. Руки еще дрожали на руле, когда я выворачива-

ла на дорогу, но жалеть себя больше не хотелось. Думать о том, чтобы наказать отца за то, что сделал, было больно. Но не мне решать. Пусть решает Рэм. Я не готова принимать в этом участие. Наверное, отец был в этом уверен, раз показал мне все до самого нутра. И был прав – я ему не угроза.

Глава 2. Побег

А дома ждал сюрприз. Стоило сунуться в гостиную, меня окатило маминой надеждой, которая звенела в каждой букве ее возгласа:

– Лали, милая! Смотри, кто приехал! – поднялась она с дивана.

А я замерла, уставившись на Пола. Он медленно встал, глядя на меня с осуждением. Зря мама надеялась на перемирие.

– Миссис Спенсер, можно поговорить с вашей дочерью? – обратился он к матери, не спуская с меня недовольного взгляда.

– Конечно, – всплеснула она руками. – Поговорите, и жду вас к обеду.

Я направилась к лестнице, не дожидаясь Пола. Он догнал меня у входа в спальню.

– Ты не вернулась в нашу квартиру... – замер на входе. – Не отвечаешь на звонки. Что происходит?

Я прошла к кровати, опустила сумку на покрывало и обессилено уселась рядом. У него заняло месяц, чтобы понять, что что-то происходит, и прийти ко мне разговаривать.

– Я не могу со всем этим справиться одна.

– Я хочу помочь, – медленно направился он ко мне.

А я смотрела на него и испытывала только одно желание –

чтобы ушел. И что я в нем нашла? Или как же меня надломило, что прежние привязанности потеряли всякий смысл?

– Отец сказал, что ненавидит оборотней... – проследила, как он опустился на корточки передо мной. – А у тебя какое оправдание?

– Почему я должен оправдываться? – сузил глаза на моем лице.

Он пришел не проситься назад. Он пришел добывать. Как обычно. Раньше мне казалось, что он меня мотивировал, а теперь я понимала, что он просто не способен поддержать, не способен видеть что-то большее, чем собственные желания и амбиции. Я просто подходила ему по статусу – породистая невеста с идеальной родословной. И он не позволял мне ее запятнать – изводил подготовкой к экзаменам, рисковал моим здоровьем, когда слегла с пиелонефритом, забрав из больницы раньше для сдачи экзаменов, чем разрешили доктора. И все ради репутации и безупречности. Такому тирану, как он, естественно, было плевать на кого-то, кто даже к его расе не относится.

– Не должен, – выдохнула безжизненно.

– Вот и молодец, что понимаешь это. А теперь соберись, пожалуйста. У нас свадьба на следующей неделе. Я не трогал тебя, давал время успокоиться...

А я смотрела в его глаза и качала головой, не веря, что была идиоткой настолько.

– Свадьбы не будет, Пол. С нами – все.

Он предсказуемо озадачился, насколько мог вообще допустить такой ход. Была же послушная девочка, а тут вдруг «нет»?

– Что?

Не ожидала ничего другого.

– Я завтра уезжаю в Аджун. На собеседование на должность врача в клинике...

– Ты совсем рехнулась? – перебил он, вскакивая. – Зря я послушал Грегори! Надо было тебя лечить сразу после приезда!

– Только попробуй меня полечить, – глянула на него исподлобья.

– Ты не в себе, – надавил он, нависая надо мной.

– Это больше не тебе решать. Уходи.

Он стиснул зубы, угрожающе хмурясь:

– Я этого тебе не прощу. Слышишь? Будешь ползать на коленях...

Я только презрительно усмехнулась:

– Уходи.

Он поджал губы и вышел из комнаты. А я не двигалась в ожидании.

Прошло минут пять, и в комнату вошла мама.

– Лали... почему Пол ушел?

– Потому что мы расстались.

Мама замерла посреди комнаты. Наверное, положила ладонь на сердце, как и всегда. Но я не смотрела. Она что-то на-

чала говорить, но я не слушала. Внутри все замерло в ожидании завтрашнего дня, когда начнется совсем другая жизнь...

– ...не руби сгоряча, подумай. Лали... – Мама подошла ближе и села рядом на кровать. – Ты мне не говоришь, но что-то случилось там в поездке. Я просто помню, как ты мечтала туда поехать, как светила в предвкушении, а вернулась раздавленная...

Она взяла меня за руку, пришлось повернуться к ней.

– Мам, я просто многое поняла... И сделала выбор. Завтра я уезжаю в Аджун...

Она замолчала надолго. Я даже успела сходить в ванную, умыться и вернуться, прежде чем она отмерла.

– Лали...

– Мам, не надо!.. – Нервы сдали. – Я так устала! Не начинай ты еще!

Она ушла неслышно, а я начала со злостью скидывать вещи в чемодан. Не для Аджуна. Я просто не могла здесь больше находиться. Тут мне вдруг стало нечем дышать – слишком большая концентрация обмана на квадратный метр!

Через два часа я закинула чемодан и сумку в багажник своего хэтчбека и прыгнула за руль, написав Вике, что забирать меня из дома завтра не нужно – я подъеду сама, куда скажут.

Когда въехала в номер гостиницы, позвонил отец, но я не взяла трубку.

Уже поздно вечером ответила Вика, что меня подвезет ее

друг, который направляется завтра в Аджун. И жизнь окончательно свернула в неизведанную параллель.

* * *

Утро выдалось солнечное. Неделя дождей закончилась. Хороший знак? Хотелось надеяться.

С вещами вышло необдуманно. Я понятия не имела, возьмут меня в Аджун сразу, устроят ли тестирование профессиональных навыков, какие понадобятся документы... Уход из дома вчера был спонтанным, и это до сих пор отзывалось в душе тупой болью, но оставаться там было безумием.

Поэтому я выкатила чемодан, перехватила сумку и спустилась вниз.

Холл гостиницы рано утром казался застывшим во времени. Будто стоит присмотреться – обнаружишь висящих в воздухе мух. Поэтому поспешившего от ресепшена высокого мужчину я заметила сразу.

– Лали, доброе утро, – уверенно поприветствовал он меня и без церемоний отобрал вещи. – Кто вам разрешил такие тяжести таскать?

– Не могла выбрать из толпы желающих поднести и сдать, – усмехнулась я, разглядывая собеседника.

Одет просто – футболка, джинсы, никаких украшений, одни лишь часы на запястье. Непослушные каштановые кудри делали его лицо притягательным и более юношеским.

Приятный тип, даже слишком, но в глазах с золотистыми искрами неприкрыто плескалась дерзкая хитрость.

– Джастис Карлайл, – легко протянул он свободную руку, несмотря на все мои вещи.

– Очень приятно, – ответила я на рукопожатие.

– Так вы и есть моя пациентка? – непринужденно заметил он, проходя в раздвижные двери.

– Ваша пациентка? – едва не запнулась я на ступеньках.

– Осторожно. Пойдемте.

– Вика мне еще не успела ничего рассказать...

– Понятно, – хмыкнул он, останавливаясь перед внедорожником. – Значит, разберемся по ходу...

Он уложил мои сумки в багажник и открыл пассажирские двери. Я залезла на сиденье, немного оглушенная новостью. Мой... врач?

– ...Все нормально? – глянул он на меня, усевшись за руль.

– Не ожидала, что у меня будет врач... такой... то есть... – Я стушевалась окончательно. – Простите...

Он усмехнулся и выкрутил руль:

– Понимаю. Вам пришлось чертовски нелегко...

Тут до меня дошло, что он, как мой врач, уже в курсе обстоятельств:

– Вика вам рассказала...

– Да, – кивнул он. – Чай и горячие булочки на заднем сиденье.

Один бумажный стакан оказался моим. Как и булочка с корицей.

– Не знаю ваш вкус... – непринужденно сообщил... мой врач. Как же это непривычно! Он похож скорее на фотомодель, – поэтому пока без начинки.

– Спасибо. Я даже не подумала о завтраке. Не завтракаю обычно.

– Тут стоит скорректировать привычку. Чем больше срок, тем чаще придется есть. Но мы еще обсудим вашу диету.

Я тяжело сглотнула.

– А вы из Аджуна?

– Нет, – усмехнулся он.

– А почему смеетесь?

Я силилась понять происходящее. Оно, кстати говоря, хорошо отвлекало от собственных переживаний.

День в Смиртоне только начинался, пустынная тишина улицы была непривычной. И меня не оставляло чувство хорошего предвкушения. Впервые с того дня, как жизнь круто рухнула в пропасть.

– Я хотел у них работать, да все никак не выходило. А тут – вы. И у меня появилась работа.

– Такой сложный случай?

– Не думаю, что сложный. Не переживайте. Все медведи, какими бы ни были, генетически очень стабильны. Дети получают – загляденье.

Я не сдержала смешка:

– Вы их будто разводите, – покачала головой.

– Раньше исследовал беременность оборотней и смешанных союзов, – улыбнулся он. – Но медведей не было – они просто так потомством не разбрасываются.

– Польщена, – закатила глаза. – А кого исследовали?

– Разных.

И вроде говорил серьезно, а глаза будто смеялись.

– А сам вы тоже медведь?

– Не дай бог! – сморщился он смешно, и я снова улыбнулась.

– Кто тогда?

– Кугуар.

– Ух ты! А медведей не любите...

– Вечно с ними за территорию цапаемся, – скривился он.

– То есть я – ваш билет на территорию.

– Так случилось. Вика очень хочет вам помочь. Ваша история напоминает ей ее собственную...

– Не может быть... – опешила я.

– Ну, не во всем... Но ей было тяжело...

– Кажется, вы ее любите, – вдруг догадалась я.

Он только загадочно и немного восхищенно усмехнулся, подтверждая мои слова. А я перевела взгляд на город. Мне впервые было так спокойно. И при виде границы ничего не дрогнуло. У меня даже не спросили ничего, хотя я ждала от отца какого-нибудь препятствия в последний момент.

– Не была за границей? – вернулся Джастис в машину.

Бросил документы в бардачок и завел двигатель.

– Только на самолете. Но за стеной никогда...

– Тебе понравится, – ободрил он. – Ну, погнались...

Никогда бы не подумала, что день моего путешествия за стену будет выглядеть так. А еще пахнуть булочками и чаем. У Джастиса оказался запас и того, и другого. Я время от времени наливала чай из термоса, доставала очередную булку и усаживалась с удовольствием смотреть в окно.

Джастис не расспрашивал о базе. Мы говорили об учебе, о научных публикациях, женском общежитии и выпускных вечерах. С Джастисом было легко. Я все еще отказывалась думать, что он будет именно тем, перед кем придется раздвинуть ноги в целях обследования. А вот расслабленно вспоминать редкие веселые моменты студенческой жизни было очень даже приятно. У него этих моментов было больше, поэтому я в основном слушала и улыбалась.

– Как вы оказались в департаменте научных исследований Смиртона?

– Я оборотень, – пожал он плечами. – Брели сначала консультантом. Потом прошел специализацию по гинекологии. И им стало вообще трудно представить кого-то более подходящего на вакансию консультанта по межвидовому потомству.

– Узкая специализация, – хмыкнула я. – Умно.

– Точно.

– А Викину беременность тоже вы вели?

– Консультировал по видеосвязи, – оскалился он.

– Больше не работаете в департаменте?

– Нигде не работаю последний год. Департамент с некоторых пор связан с неприятными воспоминаниями...

А мне вдруг стало не по себе. Может, я для Вики просто способ найти повод вернуть себе этого обаятельного мужчину? Хотя после близкого знакомства с Рэмом даже я понимала, что затея смертельно опасна. Но, может, она чувствует вину и хочет дать другу работу?

– Интересно, во сколько я обойдусь Аджуну... – тихо хмыкнула я.

– Хочешь процент? – усмехнулся он.

– Хочу, чтобы ты остановил машину.

Он выполнил просьбу слишком покладисто, но двери открыть не дал.

– Тебя же не устроит розовая ложь с блестками, – посмотрел в глаза серьезно. – Вика хочет тебе помочь, потому что еще помнит собственное отчаяние. Я хочу помочь ей. Потому что в Аджуне, случись с тобой что-то, тебе не помогут.

– Ты же говорил, что все будет хорошо...

– Вероятнее всего. Но белые медведи – не то же самое, что все остальные. У нас вообще нет данных по ним. В общих чертах понятно, что все они медведи, но у всех есть особенности. Твой ребенок – уникальный. И единственный в своем роде. Вика не может тебе пообещать, что сделает все, и в итоге этого не сделать.

– И это «все» – ты.

– Пока что да. А там посмотрим.

– Зря ты согласился, – откинулась расслабленно на спинку сиденья. – Я видела вчера Рэма. Один взгляд в сторону его жены, и мое «все» полетит к чертям.

– Я не самоубийца.

– Просто не можешь ее забыть.

– Не могу ей отказать – это не одно и то же.

– Она думает о тебе лучше, чем ты есть на самом деле?

Или ей тебя не жаль?

– Скорее, жалеет.

– Ужас...

Его губы поползли в хищную ухмылку, а взгляд заинтересованно заблестел.

– Что? – вздернула я брови.

– А ты ничего, – оскалился он. – Давай родим здорового медвежонка, а дальше посмотрим.

Я прыснула:

– Будто у меня есть выбор.

– Был. Но ты молодец. Мне уже чертовски приятно тобой гордиться.

Я не знаю, как так вышло, но до Аджуна мы доехали если не друзьями, то хорошими знакомыми.

Что только затрудняло, на мой взгляд, предстоящее сотрудничество...

Я глянула на накрытый столик на веранде, потом на часы... и перевела взгляд на вид, открывавшийся с холма.

Было раннее утро, но Аджун уже потихоньку просыпался. Хотя, этого как всегда было почти неслышно. Соседи справа – семья из двоих взрослых и двоих детей – собирались на рыбалку. Отец проверял шины у велосипедов, сын фиксировал удочки на специальных креплениях на рамах. И все – в такой тишине, что впору заподозрить у себя проблемы со слухом. На площади в низине тоже уже сновали туда-сюда жители, но никаких тебе криков, музыки, сигналов машин и плача детей. Привыкнуть к тишине Аджуна было, наверное, сложнее всего. Сначала я просидела в ступоре неделю, пытаюсь заполнять звуковой голод новостями по плазме и постоянной учебой в виртуальном кабинете.

Но с Джастисом отсидеться в доме не вышло.

Первые дни по приезду он пропал, и я даже немного ослабилась – слишком меня поразило наше общение в поездке. Он показался мне того опасного мужского типа, в варианте оборотня помноженного на двое, который сражает женщин на подлете, как электрическая мухобойка. И они падают к его ногам, подпрыгивая лапками. Не знаю, как Вика устояла против такой харизмы и сексуальной энергетике, бьющей из него струей под напором. Хотя, я – не Вика. У меня всего-то

был один мужчина в планах на всю жизнь и другой, от которого ждала ребенка. Много это для двадцати одного года? Или мало?

Я слишком заучилась, стремилась соответствовать ожиданиям отца, откладывая себя на потом. Хорошая девочка для всех, кроме себя. Пол не настаивал на близости – убедил меня, что все у нас с ним произойдет после свадьбы, и спешить некуда. Только по итогу наших с ним отношений мне, пожалуй, полагалась медаль «Самой большой идиотке года». И я бы повесила ее себе на шею и утопилась в горе, но мне не дали.

Джастис вернулся в мою жизнь через неделю после приезда полным энтузиазма познакомить меня с этой самой жизнью в новом варианте. Он вытаскивал меня из дома на прогулку каждый вечер, разрушая залежи стереотипов о диком зверином мире. Мир оказался вполне цивилизованным. Нет, оборотни иногда бегали по дорожкам и в звериной ипостаси, и у меня заняло время, чтобы воспринимать их личностями, а не шаррахаться в кусты. В Смиртоне обороты на людях запрещены, и просто так по улицам они не бегают. Но в остальном местные жители пользовались всеми благами цивилизации. Были у них, конечно, странности, и даже Джастис на фоне некоторых казался больше человеком. Но он жил в Смиртоне, и это все объясняло. Большинство жителей Аджуна никогда не бывали в сердце человеческой цивилизации.

Мы обошли с Джастисом весь городок вдоль и поперек. Я уже лет десять столько не ходила. После прогулки он вез меня в исследовательский центр, где ему выделили кабинет, снимал показатели, брал анализы и отвозил домой.

Первое время вечерами мне было так одиноко, что хоть волком вой. Мне предоставили в аренду маленький, но довольно уютный гостевой дом. И я слонялась по нему до глубокой ночи, чувствуя себя чужой как в доме, так и в Аджуне, и вообще самой одинокой на всей планете. И только темный взгляд во сне и ощущение чужого присутствия примиряли с явью, которая по утрам казалась не так уж и невыносима.

Однажды я попыталась пригласить Джастиса вечером в гости, и тут надо было видеть его лицо. Попытка возмутиться, что ничего не имела ввиду и мне просто одиноко, привела лишь к ответному возмущению, что должна была сказать сразу.

Секундная слабость стоила мне дорого.

Выгнать его, конечно, уже не получилось – он принялся сидеть со мной из вечера в вечер, развлекая болтовней, сериалами и приготовлением еды.

Уходил он поздно ночью, когда я засыпала. Я пыталась сопротивляться такому самопожертвованию, но тщетно. Потихоньку он заполнил собой каждый день, и меня отпустило. С ним было легко, хоть и немного беспокойно. С такими мужчинами невозможно дружить. Но сны мои стали легче, одиночество – не таким острым, а засыпать стало проще, ко-

гда где-то в гостиной слышался тихий разговор по телефону или еле слышное клацанье клавиш ноутбука.

Когда нервы окрепли, я попыталась дать своему врачу свободу, но он вдруг оказался против. После недолгих препирательств было решено встречаться пару раз в неделю – один на ужин и один на завтрак. Очевидно, Аджун пообещал Джастису какой-то заоблачный гонорар...

Прошло три месяца с переезда. Я пообвыкла в окружающей тишине, тем более она каким-то образом проникла и внутрь. И мне, наконец, стало спокойно. Пару раз я возвращалась в Смиртон на консультации по диссертации, увидеться с матерью и просто надышаться городом, потому что когда появится живот, поездки закончатся.

– Доброе, – послышалось позади. Ну вот как он проскользнул внутрь так, что я не заметила? – Ммм... яичница с кровяной колбасой?

– Доброе, док, – оглянулась я, мазнув взглядом по тому виду Джастиса. – Или нет? – Он выглядел непривычно уставшим и будто потухшим. – Что с тобой? – насторожилась я.

– Ничего. А что такое? Хвост забыл втянуть?

И он покрутился на месте в поиске несуществующего хвоста.

– Ну да, – закатила я глаза и пошла в гостиную ставить чайник. – Хочешь – можешь поспать на диване...

– Теперь хочу яичницы, – буркнул он позади, и я оберну-

лась.

С ним совершенно точно что-то было не так. Смотрел на меня, как тут не принято говорить, «волком».

– Я тебя достала, да?

– С ума сошла, – разозлился он неожиданно. – Нет.

– Ты Вику видел?

– Я ее часто вижу. – А тут вдруг успокоился, будто я свернула вообще не туда. Но мы же выяснили, что он к ней неровно дышит.

– И что? Нормально все между вами?

– Иногда хочу придушить ее. – И снова стало «горячо», глаза недобро заискрились. Но я не понимала, о чем он.

– Джастис, что случилось?

– Ну почему ты такая умная у меня, а? – обошел он меня на свист чайника и подхватил его с печки. – Чаю?

– Ладно, не мое дело. Рожу как-нибудь без тебя, если что...

– Я тебе рожу, – прорычал устало позади. – Пошли завтракать...

Я уселась за стол, а он начал меня обслуживать, будто это он ждал меня к завтраку.

– Встречаюсь тут кое с кем, – вдруг тихо сообщил, накладывая мне из сковородки.

Наши взгляды встретились на короткий миг, и я отвела свой, пожимая плечами:

– Ну и что?

– Ничего, – глухо прозвучал его голос.

Имел право. И встречаться, и быть недовольным, да и вообще – любим. Он мне ничего не должен. Но... мне вдруг стало зябко. Будто лизнуло забытым холодом, а по спине прошла волна озноба.

Мы позавтракали молча.

– Какие планы? – нарушил он тишину, когда я взялась за чашку.

– Работать, – пожала плечами. – Слушай... а я точно не могу помочь в больнице? Не хотелось бы сидеть тут у Рэма на шее. Честно говоря, я надеялась, что приглашение о работе не будет липовым...

Джастис посмотрел на меня так странно...

– Что? – не выдержала я.

– Поговорю с Викой, – отвел он взгляд. – Она боится тебя нагружать, ты ведь ждешь ребенка...

– Я чувствую себя так, будто и не беременна вообще. Неужели нельзя работать?

– Можно, – улыбнулся он устало.

– Было бы здорово. Не хочу терять квалификацию...

– Ничего ты не потеряешь. Тебе нужен был отпуск.

– Три месяца более чем достаточно. И ты меня излишне жалеешь.

Он снова удостоил долгого взгляда.

– Слушай, иди уже к своей... с кем ты там встречаешься? – усмехнулась я, чувствуя себя все более неуютно.

– Ты предлагала поспать на диване, – подпер он нагло щеку.

– Может, не стоит? Я бы расстроилась, если бы ты... ну, в смысле... – Кровь хлынула к щекам, и я едва не выронила чашку, нервно брякнув ей по блюдцу. – Если бы была на ее месте, а ты бы спал у другой...

– Хочешь меня выгнать?

– Определенно, – посмотрела смело в его глаза. – И ужины с завтраками тоже стоит прекратить...

– А если я не хочу прекращать, – оскалился он.

И снова этот его долгий изматывающий взгляд.

– Не хочу у тебя отнимать время. Ты и так его достаточно потратил на меня. И я очень тебе благодарна... – На этом он закатил глаза, напряженно вздыхая, чем совершенно сбил меня с толку.

– Ешь давай нормально! – усмехнулся, наливая себе новую чашку до краев. – Булочку тоже. А то никакой работы тебе, немочь.

– А ты любишь девушек покрепче? – подчинилась с готовностью. Лишь бы не ворчал. И не уходил.

– Мы не любим за внешность, – серьезно ответил он.

– Ну ты же не всех, с кем спишь, любишь?

– Раньше – нет. Теперь, наверное, постарел, – буравил он меня взглядом, усмехаясь.

– Ну а как ты выбрал эту, с которой встречаешься?

– По запаху, голосу, смеху... И глаза мне ее нравятся, –

улыбался все шире, глядя в мои.

– А в кого она превращается?

– В занудную ворчунью временами... но все больше – в милую пушистую зайку... – При этом смотрел на меня так, будто этой зайкой была я.

– Она тоже пума?

– Я как-то не привык завязывать отношения с оборотнями, – вдруг усмехнулся он и опустил глаза в чашку. – Отвык. И человеческие девушки нравятся мне больше...

– Круг сузился. – Людей здесь было немного.

– Не заговаривай мне зубы – ешь!

– Вот разнесет меня на этих булочках!

– Буду тебя катать, – усмехнулся.

– Не очень изящная строчка в твоём резюме, не находишь? – улыбнулась. Но то, что он остался, вернуло утра краски и уют. Оставалось только забыть потом об этом в целях спокойствия, но сейчас я позволял себе эту терапию на полную. И дальше бы послушно ела булочки, если бы не телефонный звонок.

Джастис приложил мобильный к уху и вдруг тревожно глянул на меня.

– Что? – насторожилась я.

– Я понял. Дай пять минут, – сообщил он кому-то и отбил звонок. – Твой отец у ворот.

– Отец? – выдохнула я. – Что случилось?

– Хочет тебя увидеть...

Отец звонил мне несколько раз вчера, но я не отвечала. Стоило начать вспоминать события трехмесячной давности, возвращались тревожные сны, в которых мир заметало снегом. Не думаю, что ему есть, что мне сказать нового.

– Будешь с ним разговаривать? – Джастис поймал мой бегущий взгляд. – Я буду рядом.

– Хорошо, – кивнула.

– Пошли, – и он подал мне руку.

Глава 3. Долгая зима...

На пропускном пункте нас ждал Рэм. Он коротко поприветствовал меня и добавил:

– Я буду здесь на случай вопросов.

– Вы уже что-то сделали против него? – догадалась я.

– Его лишили возможность дальнейшей деятельности в северном регионе. Но это пока...

– А потом?..

– Посмотрим, – уклончиво отозвался он.

Я только покачала головой и направилась к проходу. Джастис шел следом.

– Я бы хотела поговорить с ним одна, прости...

– Не могу тебя отпустить одну, – и не подумал слушаться он. – Ты – моя ответственность.

Мы вышли вместе через проходную и оказались на широкой площадке за стеной. Отец ждал в машине, на мое появление вышел и направился навстречу.

– Лали... – Он быстро глянул за мою спину на Джастиса и вернул на меня тревожный взгляд. – Как ты?

– Нормально. Что ты здесь делаешь?

– Я хотел извиниться, – пристально посмотрел в мои глаза. – Я был не прав по отношению к тебе, не стоило так ломать твою жизнь...

Я недоверчиво нахмурилась, но сердце уже набрало обо-

роты и защемило от тоски. Мне жутко не хватало того, что было раньше между нами.

– Мне жаль, что так вышло. И очень не хватает тебя. – Он смотрел на меня с тревогой. – Как ты тут?

– Все хорошо... – только и успела выдохнуть я, как тело прострелило болью от живота и в ноги. Колени подогнулись, и если бы не Джастис, я бы рухнула на землю. Отец оказался рядом:

– Что с тобой?!

Но Джастис уже подхватил меня на руки и бросился обратно. Мир вертелся перед глазами, ноги немели, и я задышала от боли.

– Срочно скорую! – послышался голос Джастиса.

– Пустите меня к дочери! – едва долетал голос отца. – Скажите, что с моей дочерью!

– Джас... – только и удалось мне выдавить, как из глаз покатались слезы. – Мне больно!

– Потерпи немного. – Его голос звенел от напряжения. – Рэм!

– Две минуты. Аптечка.

– Доставай желтую ампулу...

Я почти ничего не соображала. Хотелось, чтобы боль прошла, чтобы все закончилось. Не было страха за ребенка, только за себя, и от этого хотелось выть... Теплое безмятежное утро обернулось каким-то кошмаром. Уже в скорой мне поставили капельницу, и начало отпускать. Когда боль

немного стихла, пришел страх уже за малыша, и я заплакала...

* * *

Я лежала в диагностическом кабинете и держалась за суровый взгляд Джастиса, который всматривался в монитор, осторожно скользя датчиком по животу.

– Сильный тонус, – заключил он. – Ничего больше...

– Ты уверен? – дрожащим голосом выдавила я.

– Абсолютно, – и он отложил аппарат. – Сейчас все позади. Ничего страшного нет, Лали.

По вискам снова покатались горячие слезы.

– Эй, – присел он рядом. – Все хорошо, слышишь? Нет проблемы... А тебе нельзя расстраиваться.

– Я же не расстроилась там... отец наоборот просил прощения.

– Это вызвало эмоциональный всплеск. Но ничего страшного...

– Было так больно...

– Сегодня останемся тут, я обследую тебя полностью. Если все нормально – завтра отвезу домой. Все хорошо...

Но домой меня никто не отвез.

Боль вернулась ночью, потом днем... и стала обычным явлением уже через пару суток. И, хоть никаких отклонений у меня не находилось, тело почему-то отторгало ребенка. Вскоре капельницы вместо завтрака и ужина вошли в привычку. Запах антисептиков и лекарств заменил воздух, а самым любимым временем стали обычные прогулки по парку вокруг. Теплый сентябрь ни одним намеком не выдал свою причастность к осеннему времени, вокруг все также зеленело и трещало на разные голоса, будто зимы в этом году никто не ждал.

Джастис жил в больнице вместе со мной. Катал меня, как инвалида, в кресле-каталке, развлекал и старался скрасить пребывание в неизвестности.

– Ты же с кем-то встречался, – напомнила я однажды утром, когда мы завтракали в моем любимом месте – на скале под кряжистой елью.

– Встречался, – рассеянно кивнул он, нарезая колбасу.

– Я хочу тебя уволить...

– Ты меня не нанимала, чтобы увольнять, – даже не дрогнул он. – Бери бутерброд и ешь.

– Я серьезно. Ты тратишь время...

– Я не трачу время. Не тебе это решать.

– Что важного во мне? Я неудачница.

– Не пори чушь, – удостоил серьезного взгляда. – Ты держисься молодцом.

– Знаешь, чего испугалась, когда заболело сильно? Что я умру. Не ребенок, я...

– И что тут такого? Обычный инстинкт самосохранения. Я сжала губы в нитку, тяжело дыша.

– Лали, у всех беременность проходит по-разному. Но большинству есть, ради чего страдать – есть мужчина, муж или семья, которая поддержит, что бы ни случилось. Ты же страдаешь ради невинного ребенка, не желая быть связанной с теми зверствами, свидетельницей которых ты стала. Но у тебя есть и своя жизнь. И она не менее ценна, чем жизнь ребенка. Вы оба важны. И для меня – тоже.

Я с трудом расправила спину, чтобы вдохнуть, потому что после таких слов хотелось съежиться еще сильнее.

– Ты – свободный, красавчик... – прошептала упрямо. – Тебе нечего делать рядом со мной. Это уже вышло за всякие рамки...

– Как это нечего? Ты в курсе, что только к тебе прилагается настоящая вареная колбаса на завтрак?

Я прыснула.

– Вика мне ее просто так никогда не выдаст. – И он взялся за термос. – Такая только в Аджуне для больных делается.

– Представляю, какие у них завалы этой колбасы, раз я тут единственный пациент.

– В стационаре. Остальные просто ночуют дома. Но колбасу по утрам разбирают стабильно...

– Джастис, – стянула я улыбку силой воли, – я серьезно. Капельницы мне может поставить кто угодно.

– Никто к тебе не притронется кроме меня. Я хочу быть с тобой, ты меня вдохновляешь.

– А если я перестану тебя вдохновлять? – Я вдруг поняла, что уверенность в том, что рискую оправдано, сильно убавилась. А вдруг ребенок родится нездоровым, и я обреку его на страдания? Вдруг со мной что-то случится, и он останется сиротой? Когда приходила боль, страх сжимал душу в тиски.

– Это невозможно.

– Я могу струсить, Джастис.

– Трусь сколько влезет.

– Ты просто так это говоришь.

– Что бы ты не решила, я тебе помогу. Если решишь, что не можешь... – Он вдруг замялся и нахмурился. Продолжить ему стало тяжело. – Имеешь право.

– Неужели? – усмехнулась я, подумав, что это его проявление неуверенности.

– Абсолютно, – поднял он на меня взгляд. – Тебе не нужно нести это все одной.

– Что? – опешила я.

– Что слышала. Родим сначала белого медвежонка. Потом подумаем про котят...

– Ты ненормальный, – усмехнулась обескураженно я, за-

вороженно глядя на него. Безумие этого утра начинало нервировать не на шутку.

– Мне бы так хотелось. Поэтому я не могу тебя бросить, понимаешь?

– Ну и шутки у тебя.

– Если бы...

– Если бы я была здоровой и везучей, и ты бы за мной побежал – я бы не стала сопротивляться.

– А в кресле каталке, когда не можешь никуда бежать, сможешь? – И он протянул мне чашку.

– Ты меня жалеешь.

– С чего? – покачал он головой. – Ты не умираешь. И не болеешь. А к одиноким девушкам с медвежатами у меня, видимо, генетическая слабость.

– Ты про Вику? – закатила глаза.

– Хватит меня диагностировать, – беззлобно проворчал он. – Просто услышь – я тебя не брошу. И не надо меня дергать за усы.

– Я еще ни разу не дернула, – развеселилась я. Наверное, впервые за эту неделю, полную боли, отчаяния и капельниц с уколами. – А ты покажешься мне в другом образе?

– Я видел, как ты лис шарахаешься на тротуаре...

– Тебя я не испугаюсь.

Он тепло улыбнулся:

– Ешь давай...

Пришла зима. Но ничего не менялось. Я не набирала нужный вес, как ни старался Джастис меня откармливать. Но с ребенком по всем показателям все было хорошо. Если бы мое тело его не отвергало...

Единственное, чему можно было радоваться – на этом сроке ребенка уже можно будет спасти, если мы с Джастисом все же проиграем. И это не давало окончательно пасть духом.

За время жизни в больнице я обзавелась новыми знакомствами – подружилась с сестрой Рэма Нирой. Девушка оказалась очень открытой и общительной. Она занималась детьми-полукровками и их адаптацией в Аджуне. У нее был свой небольшой детский сад, где оборотни росли вместе с человеческими детьми. Вряд ли такие результаты заинтересуют Смиртон, но если бы не мой случай, я бы вообще не знала о том, что оборотни как раз стараются научить будущие поколения жить бок о бок, чего не скажешь о людях. Все было совсем не так, как нам пытались представить в Смиртоне.

Отец звонил раз в неделю. Сначала мы разговаривали коротко и сухо, но с каждым разом я рассказывала все больше – что не жалею ни о чем, что мне нравятся новые знакомые, врала, что чувствую себя наконец на своем месте. Он неизменно спрашивал, когда вернусь, но я ничего не обещала.

Где-то в глубине души я простила ему все. У меня не было ресурса его ненавидеть, мне было, куда потратить силы.

На седьмом месяце я уже вообще боялась двигаться, но хорошо освоилась с каталкой. И каждое утро добиралась до детского отделения, где мы встречались с Нирой. Пили чай, разговаривали, обсуждали новости... Нира еще больше сгладила для меня границу между моим и непривычным миром. Оказалось, что у любых девушек переживания очень похожи.

Она встречалась с человеком, а это, как оказалось, история более сложная, чем когда мужчина-оборотень выбирает человеческую женщину. Дети в таких браках только в половине случаев становятся оборотнями. Но даже не в этом была проблема. А в том, что ребенку нужен проводник в мир животных, и мужчине тут было проще. Короче, Рэм ворчал на этот ее выбор, что расстраивало Ниру, но она стойко держала оборону от брата. С встречной стороны ситуацию смягчала Вика. Но Нире все равно было непросто. С ней я забывала о себе, чувствуя, что не пуп вселенной, как это было с Джастисом. Тот продолжал носиться со мной как с неповоротливым, но ценным по каким-то непонятным причинам тюленем.

– Давай, малышка, еще немного... – усмехался он, орудуя датчиком. – Пару месяцев, и будем бегать за медвежонком по снегу. Тебе показать мордочку?

– Не надо, – отвернулась я.

Это его обещание взволновало, я сразу же живо представила эту картинку. Пусть все забудется быстрее, пожалуйста! Пусть он родится здоровым!

Малыш пнул датчик, и я замерла. Часто после таких его пинков меня скрючивало от боли, и начиналась беготня с капельницами и инъекциями. Я провела ладонью по животу, успокаивая ребенка и успокаиваясь сама. Пока Джастиса не было рядом, я постоянно разговаривала с малышом, гладила живот... Выучила одну колыбельную и напевала ее в тишине. И мне казалось, ребенок меня слышит и успокаивается. Я будто старалась его примирить с обстоятельствами, что так вышло, убедить, что надо постараться еще чуть-чуть, и мы будем вместе...

– Как назовешь?

Вопрос, такой простой и естественный, вогнал меня в ступор. Я и не думала никогда об этом. Для меня это было почему-то непреодолимо сложно – дать ему имя. Будто я права не имею, не справлюсь с последствиями, не могу одна взять ответственность...

– Пока никак.

Я хотела сказать «не знаю». Но почему-то вырвалось именно это.

– Почему? – сузил Джастис глаза на монитор.

– Не знаю, не могу... – пожала плечами. – Не могу объяснить. Боюсь. Будто пока нет имени – нет и смерти... Я дура, да?

– Нет, – глянул он на меня. – Там, откуда родом твой ребенок, это обычно так и происходит. – И он с тяжелым вздохом вернулся к монитору. – Малышам не дают имена, пока те не окрепнут и не переживут первую зиму. Без имени смерть не заберет...

– Откуда ты знаешь? – тяжело задышала я.

– Слышал...

Я хотела было что-то еще спросить, но перед глазами уже полетели картины заснеженного мира, сердце сдавило тоской, и меня снова скрутило пополам от резкого спазма. Да такого, что в глазах потемнело.

Зря мы обсуждали, как собираемся обмануть смерть, на-верное...

Это все, о чем я думала, когда коридор наполнился криками, а ощущение горячей струи между ног будто поставило жизнь на паузу. Потому что территория жизни на этом заканчивалась.

Свет коридорных ламп замелькал в глазах. Я слышала, как четко командует Джастис, чувствовала, как слаженно действуют вокруг меня врачи – инъекции, датчики, звон инструментов и вой приборов смешались в одно. А я онемела. Замерла, не в силах ни бороться, ни обещать себе, что справлюсь, ни думать о ребенке. Меня разом скрутило и выжало досуха. А еще тянуло куда-то... Туда, где по лицу хлещет морозный ветер с россыпью ледяных иголок, где воздух обдает легкие болью, не сдается теплу...

– Лали, не смей. – Щеку вдруг болезненно обожгло, а на лице заплясал жесткий собранный взгляд. Джастис обхватил подбородок и заставил смотреть ему в глаза: – Только попробуй не вернуться...

Я растерянно моргнула, но его взгляд начал таять, и его вскоре замело снегом...

* * *

Глава 4. Возвращение

Мне хотелось остаться там...

Кожу не жгло холодом, было тепло... А еще я слышала его дыхание, чувствовала кожей жар выдыхаемого им воздуха. Я была дома. Измученная, сломленная и потерянная, и только там в его руках меня собирало по кускам в целое. Я не хотела обратно...

Но дыхание сменилось противным пискom прибора, тепло – холодом, а запах его кожи сдался под напором антисептиков...

– Лали, – послышалось хриплое, а по волосам скользнули нежные пальцы.

Я не нашла в себе сил отозваться – дышать не хотелось. Я не могла узнать, не находила в себе сил спросить, что с ребенком. Меня будто выгребли изнутри до основания.

– Дай ей время. – А это Вика.

Да уж, зря ты его ко мне приставила. Теперь мы оба сломлены чувством вины друг перед другом. Джастис сжимал мои пальцы между своими и тем самым окончательно развивая чувство чужого, но такого необходимого касания.

Кто он? Почему мне кажется, что он рядом? Зачем мне это?.. Я не понимала. Невозможно тянуться к тому, кого не знаешь, кого, может, нет в живых. Видимо, схожу с ума.

– Не пойму, в чем проблема, – устало выдохнул он. – Они

оба здоровы, но будто несовместимы...

– Значит, проблема в другом. – Вика говорила тихо, не хотела, чтобы я слышала. – То, что она пережила...

– Ты пережила то же самое, – перебил он ее раздраженно.

– Над Рэмом никто не издевался, – возразила Вика чуть громче.

– Я помню, – усмехнулся он зло. – Рэм загнал тебя на крышу осознанно. А этот – в бреду. Здесь что-то другое. Мы ничего не знаем о тех, кто живет дальше Климптона... Может, они не могут создавать пару с человеческими женщинами?

– Вы можете. Почему они не могут? – Послышался шорох, и голос Вики стал дальше – похоже, Джастис отталкивал ее намеренно. – Лали просто родила недоношенного ребенка. Но мы его выходим. Все будет хорошо... И Лали тоже поправится.

Ее слова о том, что с ребенком все будет хорошо, запустили жизненный ток – я вздохнула глубже, найдя в себе, наконец, силы открыть глаза.

– Привет, – склонился надо мной Джастис. – Как ты?

– Что с ребенком? – мотнула головой. Показалось, все тело начинили свинцом – даже держать глаза открытыми было тяжело.

– Малыш в порядке. Сейчас на аппарате... Но ему ничего не грозит.

– Мне надо его увидеть...

Было чувство, что вместе с ним у меня сердце вынули.

Тоска невыносимо сжимала грудь. Я ведь ему нужна...

– Лали, пока нельзя двигаться. – Джастис достал стетоскоп и принялся меня обследовать. Вика стояла рядом. – Ничего не болит?

Я отрицательно мотнула головой и перевела взгляд на Вика. Она мне осторожно улыбнулась, но я не нашла в себе сил ответить. В душе зашевелилась зависть – у нее все хорошо. И дети, и мужчина, который не вызывает вопросов и готов ради нее любому горло перегрызть, что бы там ни говорил Джастис. А у меня – сплошные вопросы. К себе, мужчине, который потратил на меня семь месяцев жизни, не получая ничего взамен, к самой жизни, которая протащила меня через это все... Я не испытывала никакого оптимизма и не понимала почему. Вика же сказала, что все будет хорошо. Что ребенок восстановится, я поправлюсь... Я перевела взгляд на Джастиса, и чувство, что все не так, усилилось. Все неправильно, так не должно быть! А как должно – непонятно.

– С тобой все хорошо, – удовлетворенно заключил Джастис. – Молодец...

– Я хочу увидеть малыша, – прошептала, посмотрев ему в глаза.

– Хорошо, – сдался он.

И я знала, что сдастся. Слишком жалел меня, прогибался и, сам того не подозревая, оставлял мне пустоту, на которую невозможно опереться.

– Он плакал? – глухо спросила, когда он усадил меня в

каталку.

– Очень, – улыбнулся. – Сильный.

– Мальчик? – поинтересовалась опасливо.

– Ну конечно, – усмехнулся он. – Ты думала или надеялась, что я ошибся?

– Ну мало ли...

Когда коридор закончился, я вцепилась пальцами в подлокотники, изо всех сил стараясь усидеть и не добавить Джастису забот. Но когда увидела ребенка в кувете, подключенного к датчикам и аппарату дыхания, чуть не рванулась к нему.

– Дышит сам, не переживай, состояние хорошее, просто еще слаб... – Джастис присел рядом.

– А это нормально? – тяжело выдохнула я, не моргая.

Какой же этот комочек был маленький!

– Нормально. Все будет нормально с вами, не переживай.

Ты справилась...

– Это ты справился... – Я тяжело вздохнула и перевела на него взгляд. – Спасибо.

– Пожалуйста, – устало кивнул он и приложил пальцы к артерии на моей шее. – А теперь в койку, пульс поднимается.

– Я с тобой не расплачусь...

– Тебя только это интересует? – усмехнулся. – Хорошо...

Мы что-нибудь придумаем...

Потянулись дни, еще больше похожие один на другой, чем раньше. Когда стало можно, я сама уже ходила к ребенку и часами смотрела, как он дышит. Изучила каждую ямочку на его личике, каждую венку на прикрытых веках... Как же хотелось обнять, прижать к себе... Я говорила с ним, рассказывала, как он окрепнет, и мы выйдем из этой ненавистной больницы – рисовала картинку нам обоим, в которую хотелось верить.

Но чудеса снова не случалось. Не случалось даже заурядного ожидаемого прогноза. Ребенок оставался слабым, но стабильным. Развивался, но не был готов жить самостоятельно. У него будто не было ради чего отсюда выходить, и в мои картинки он не верил.

Прошла неделя, потом следующая. Мир все никак не хотел играть красками, заметенный сугробами за окном и внутри меня. Я перестала быть здесь пациентом, но оставалась жить в гостевой комнате. Хотя жизнью это вряд ли можно назвать. Стоило труда смириться с тем, что я снова жду, когда моя жизнь начнется... Вроде бы рукой подать, но она упиралась в прозрачный бокс.

– Эй...

Я обернулась, устало вздыхая. Джастис прошел ко мне и подал чашку кофе:

– Держи.

– Спасибо...

Он оперся на стол, сложив руки на груди, и прикрыл глаза. Мы почти перестали общаться. Первые дни он еще пытался отвлечь меня, таскал на улицу, заботился, но мне хотелось лишь одного – чтобы оставили в покое и тишине. Мне все больше нравилось смотреть на снегопад – как снежинки тихо падают на землю, бьются в стекло и носятся в завихрениях у окна. Почему-то тишина казалась важной, будто я хотела что-то услышать...

Сны больше не пугали – я ждала их не меньше, чем встреч с сыном. Только в них все вставало на свои места и казалось правильным – чужие касания успокаивали и согревали, и смотреть на бурю становилось не страшно.

– Сегодня все так же, – тихо сообщил Джастис. – Развивается нормально...

– Но сам дышать не хочет, – закончила я обреченно. Он промолчал. – Джастис, мне не станет лучше... Не надо ждать.

– Я не жду. Я просто хочу быть рядом. Это мой выбор.

Чашка невыносимо нагрела руки, и я отставила ее на столик, хоть это и выглядело отказом от его заботы.

– Ждешь. Я же знаю.

– Чего мне ждать?

– Что что-то изменится...

– Изменится, – упрямо возразил.

– Мне уже кажется, что нет. С ребенком что-то не так. И никто не знает, что именно...

– Дай ему время. Ты устала – это нормально.

– А если нет? – я медленно поднялась, глядя в его глаза. – Долго ты будешь меня успокаивать?

– Сколько понадобится, – решительно взглянул на меня.

– Не надо.

– Хочешь тонуть в горе в одиночку? – нахмурился он.

– Да, хочу, – разозлилась я.

– Нет. Пока твой ребенок в больнице – я буду тут. Поняла?

Я только сглотнула ком в горле, опуская глаза. Кого я обманываю? Я же совсем упаду духом без него, но использовать его – еще хуже.

– К тебе Нира пришла, – тише добавил он. – Вернулась вчера в Аджун.

Новость о приезде подруги вселила надежду, что радоваться я еще умею. Она встретила меня с улыбкой, по которой я, как оказалось, искренне скучала, а стоило почувствовать ее объятия, я расплакалась прямо в коридоре.

– Малышка, – гладила она меня по голове, утащив в комнату. – Джастис говорит, с ребенком все хорошо.

– Только дышать он не хочет, – выла я.

С Нирой оказалось легко расклеиться и отдаться эмоциям на полную, и я позволила себе их на всю мощь.

Полчаса спустя я сидела, опустошенная, на кровати с распухшим от слез лицом и чашкой горячего травяного чая, а

Нира рассказывала о поездке в Смиртон. Глаза ее при этом виновато, но все же блестели.

– Давай уже, – шмыгнула я носом, улыбаясь. – Расскажи о главном.

К счастью, чувство вины за счастье вспыхнуло лишь не секунду в ее взгляде.

– Гордон сделал мне предложение.

– Ух ты! – искренне восхитилась я. – И что ты?

– Я согласилась. А завтра хочу познакомить их с братом.

Мда, нелегко ей будет. С другой стороны, если Гордон выдержит Рэма, значит, действительно достойный кандидат.

– Я хочу, чтобы ты тоже пришла, – вдруг сложила бровки домиком Нира, а я так и застыла, не зная, что ответить. – Пожалуйста... С тобой мне будет не так страшно.

Я никогда еще не выходила из больницы дольше, чем на время прогулки по парку и окрестностям. Мне все казалось, что с малышом что-то случится без меня. Но ничего не случилось... Я будто и не нужна была ему.

– Хорошо, – выдохнула.

– Спасибо! – Нира обняла меня благодарно. – Завтра за тобой заеду в двенадцать.

* * *

С раннего утра до полудня я провела с ребенком, поглядывая то на него, то на монитор ноутбука. Недавно на гла-

за мне попались фотографии одного очень известного фотографа, путешествующего по Северу – Адама Нолдриджа. Критики высоко отмечали его работы, которые часто занимали обложки самых известных научных журналов, потому что такого севера никто до него людям не показывал. Он бывал в таких местах, о которых мало что известно – люди туда не добираются. При этом самого фотографа никто никогда не видел.

В одном из интервью главный редактор журнала «Уорлдгайд» обмолвился, что, скорее всего, Адам – оборотень и житель тех мест. Иначе удачливость фотографа ничем не объяснялась. Но никто не спешил удешевлять его заслуги, потому что справиться с техникой при таких низких температурах непросто, добраться до столь захватывающих видов – тоже. Умелец как-то изгаляется таскать все на себе, оборачиваясь зверем, и это делает его еще более примечательной личностью.

История этого загадочного фотографа захватила меня не на шутку. Я часами засматривалась на его работы, потому что они напоминали мне, с каким восторгом прежде я думала о поездке на север. Глядя на фотографии, я будто оживала заново, а мой мир, наконец, играл, пусть и зачастую скудной ахроматической палитрой заснеженных полей и темной воды. Образ базы-живодерни наконец померк в моем уставшем сознании, уступив место другим более прекрасным впечатлениям. Мне даже стало казаться, что и сны мои поменялись

– стали легче, свободней, уводили в знакомые теперь уже места и бескрайние просторы, которые существовали где-то в реальности, а не в моих кошмарах.

– Красиво, – слышалось хриплое позади, и я едва не захлопнула крышку ноутбука. – Ты как?

Джастис тихо прошел к столу, смотря на малыша в боксе.

– Нормально. Меня Нира пригласила к себе.

– Я в курсе, – устало протер он лицо. Наверное, таким вымотанным я его еще не видела. – Езжай, все будет хорошо.

– А с тобой когда все будет хорошо? – не выдержала я.

– Со мной все хорошо, – глянул на меня, слабо улыбнувшись. – Иди.

– Спасибо. Только если что – позвони.

– Конечно, позвоню.

Глава 5. Надежда

Нервничали все. Нира вообще себе места не находила – носилась между кухней и гостиной, делая вид, что каждая тарелка требует отдельного вояжа туда-сюда. Вика следила за тем, чтобы Рэм ничего не сказал и не сделал, сдерживая его молчаливый протест, сметающий все надежды сестры на принятие.

Я поддерживала разговор с Гордоном, делая вид, что мне очень интересно все, что связано с трудностями издательства, специализирующегося на литературе для особенных детей, которое он возглавлял.

Но все больше раздражал этот надуманный тремор! Ну неужели Рэму так сложно принять мужчину, с которым его сестра счастлива?! Все равно за нее выбор сделать не получится. А так только распугает кандидатов. С таким братцем любимой поперек и слова не скажешь – проще сразу застрелиться.

Когда напряжение достигло апогея, Нира утащила Гордона на улицу подышать воздухом. Вику вызвали к себе дети громким криком со второго этажа, и мы с Рэмом остались одни. Только я не стала искать тему для светской беседы – подошла и нависла укоризненной тенью над мужчиной в кресле.

– Почему ты не разрешаешь ей попробовать построить

свою жизнь так, как она это видит?

С высоты заточения в больнице, а потом – рядом с ребенком, который не хочет дышать сам, все это мне казалось такой мелочью!

– Знаешь, – вдруг беззлобно усмехнулся он, – не буду я ей ничего запрещать.

– Зачем тогда это все? – растеряла весь запал я.

Он пожал плечами, улыбаясь, потом вдруг кивнул на соседнее кресло:

– Садись. – Я послушно пустилась рядом. Мы помолчали немного, прежде чем он продолжил: – Когда отец ушел, и я остался с Нирой на руках, я жутко испугался. И вроде бы столько народу вокруг, меня бы никто не бросил... а я чувствовал себя одним в этом мире. Потому что Нира перестала есть. Ничего в рот не брала почти, так ослабла...

Что-то в этом начале дернуло нервы, и я затаила дыхание.

– Никто не мог помочь. Уже думали везти в Смиртон, потому что у нас оборудования в больнице нужного еще не было. Счет шел на часы... Нира уже болталась в моих руках тряпкой... – Рэм шурился на огонь, а я не сводила с него взгляда. – Пока я случайно не положил ее в кресло, чтобы переодеться. Она вздрогнула тогда и разревелась впервые за день. Я сразу сунул ей бутылку, и она начала жадно есть... пока не встал с кресла. Стоило отдалиться от него – она снова закрыла глаза, представляешь? Пока до меня не дошло, что на кресле висел свитер отца. Я все не убирал его, не хо-

тел отказываться, переставать верить, что он еще вернется. Нира чувствовала его запах, оставшийся на свитере. Стоило замотать ее в него, и все наладилось. Она начала есть, спать, улыбаться... жить.

Я медленно моргнула, дрожа все сильнее внутри.

– Поэтому я буду ее беречь, Лали... Чтобы никто не забрал у нее повод жить.

Тут можно было бы сказать, что Гордон – отличный молодой человек, облившийся семью потоами, но не сдавшийся. И он обязательно проникнется этой философией Рэма даже элементарно для того, чтобы выжить в этой семье. Но я не могла перестать думать о его словах.

– Это часто так происходит? – прошептала взволновано я.

– Что? – нахмурился он.

– Дети... – Голос дрожал. – Ваши дети остаются без отца и перестают бороться за жизнь...

– Бывает, – задумался он. – Я тогда всю доступную информацию перевернул, опросил своих. Все боялся, что это временное улучшение, просто совпадение, и мне лишь дали время, чтобы действовать.

– Но это не совпадение, – нетерпеливо закончила за него я.

– Временами в некоторых семьях замечали такое, да. И уж совсем в бородатые времена, когда отец семейства уходил на охоту, младенцев укутывали в его вещи. Это называлось «охранением». Отец – защитник, понимаешь? Мое опасение

– не блажь. Человек не может быть «охранением» для ребенка-оборотня.

Я растирала застывшую кровь в ладонях, не в силах усидеть. Мне уже было не до Рэма и Ниры. Но когда я попыталась подняться, он вдруг тихо добавил:

– Я искал твоего медведя. Но не нашел.

– Где? – опешила я.

– В Климптоне. Он не бездомный и не дикий житель пустоши. Твои на допросе сказали, что встретились с ним у базы, но я им не верю. И надеюсь доказать обратное...

Я не смогла почему-то поблагодарить. Поднялась пришиблено и направилась на веранду, на ходу набирая Джастису сообщение, чтобы заехал за мной. А сама едва дождалась, когда Нира с Гордоном вернутся.

– Что-то случилось? – засуетилась подруга на мое прощание.

– Слушай, идея безумная... – Я оттащила ее в уголок, заглянув в глаза. – Но рассказ твоего брата о тебе дал мне надежду... И он правда за тебя очень боится.

Мы обменялись взглядами, я благодарно сжала ее руку, ничего больше не объясняя, и вышла из дома. Мне не терпелось поделиться идеей, но Джастис моего энтузиазма не разделил.

– Никогда не слышал о таком, – выкрутил он руль и медленно повел машину с холма. – Я со столькими брошенными детьми работал... И сын Рэма, приемыш – он мой пациент.

– Рэм сказал, что не всегда. Вернее, у них сохранились рассказы о традиции «охранения», когда ребенка обкладывали вещами отца, если тот уходил на охоту, – взволнованно возражала я. – Не возникли бы они на пустом месте.

– Лали, да даже если и так, как это поможет тебе? – Он нажал на тормоз, чтобы иметь возможность посмотреть мне в глаза.

– Я могу попытаться достать какую-то вещь отца моего ребенка. – Джастис прикрыл глаза, вздыхая. А мне вдруг стало невыносимо обидно: – Я не прошу тебя верить! Я тебя вообще ни о чем не прошу! Мне не нужно, чтобы ты решал!

– Как ты его вещь достанешь? – сурово глянул он на меня, игнорируя крик.

– Попрошу помощи у отца, – решительно заявила я. – Если они взяли медведя в человеческой ипостаси, вещи должны были остаться.

– А если нет?

– Да что с тобой, Джас?! – вскричала. – Все, что ты можешь предложить – сидеть и ждать изо дня в день, когда что-то изменится?! А если нет?!

– Мне сложно давать тебе пустые надежды. Я ученый.

– А я – врач! – И я толкнула его в грудь. – Представляешь, как мне сложно верить в байку, которая единственная может объяснить, почему здоровый ребенок не хочет жить?!

Он схватил меня и прижал к себе, но я лишь повисла в его руках, переживая. Все мысли были о том, как доберусь до

комнаты и позвоню отцу. К черту все, расскажу ему правду и потребую помощи. Он мне должен, в конце концов. Это все из-за него... Эта тупая ежедневная боль стала нормой, но это не значит, что я должна с ней смириться!

– Лали, – заглянул в глаза Джастис.

– Поехали, – отстранилась я.

По приезде я сразу направилась на скамейку, не рискуя заходить в корпус – мне нужно было больше воздуха и пространства, чтобы вместило все мои надежды или их полный крах, если отец откажется помочь.

Он взял трубку сразу же:

– Лали, что случилось? – Голос уставший и надтреснутый.

– Мне нужна твоя помощь. Очень. Как никогда.

– Что такое? – подобрался он.

– Тот белый медведь... У тебя могли остаться его вещи? – Я расхаживала вдоль скамейки в свете нескольких окон двухэтажной больницы.

– Что?

– Пап, это очень важно. – Я тяжело вздохнула, прежде чем произнести самое тяжелое: – Я родила от него ребенка.

Последовало предсказуемое молчание, в котором я слышала, как учащается его дыхание.

– Ты поэтому сбежала в Аджун, – хрипло выдохнул он. – А я думал...

– Что ты думал? – насторожилась я.

– Что ты беременна от Пола, но не решилась родить... Я

же видел, что ваши отношения не ладилась...

Я только закатила глаза, судорожно хватая воздух. Конфиденциальная клиника радостно слила меня отцу! Да и к черту!

– Папа! Ребенок... ему нужна помощь, и мне не к кому больше обратиться! Мне нужны вещи медведя!

– Лали, – прохрипел он, – дай... дай мне несколько секунд...

Я вдохнула холодный воздух поглубже, подняв взгляд кверху. Пошел снег, и снежинки красиво кружились над головой в тишине, сгорая на моих щеках.

– Как это произошло? – наконец, тихо спросил отец.

Я рассказала. Как ходила к клетке, как попала в лапы и открыла замок, спасая собственную жизнь. Мне было все равно, что он подумает. Я готова была сказать ему что угодно, потому что сердце уже скакало в нетерпении его ответа.

– И что с ребенком? – взволнованно спросил он. Не потребовал, почему я не сделала аборт или не сказала им.

– Он на системе поддержания жизни, родился недоношенным. Я не могу тебе объяснить все и сразу, но ты – моя последняя надежда. Сегодня мне случайно открылось, что ребенку может не хватает отца, его запаха рядом!.. Я...

Я опустила на скамейку и заплакала – не стало сил. Кажется, я бьюсь в железобетонную стену. И если отец сейчас скажет, что все это его не интересует, я сломаюсь.

– Думаю, да, на базе остались его вещи, – вдруг прошеле-

стело в моей Вселенной. – Но попасть туда будет непросто, Лали. Мне запрещено приближаться к Климптону.

– Папа, думай! Любая возможность! Это так важно для меня!

– Дай мне время до утра. И не нервничай. Мы обязательно что-нибудь придумаем...

Теперь я уже всхлипнула и заплакала от облегчения.

– Спасибо! – просипела на вдохе.

Он прерывисто вздохнул в трубку:

– Но что с тобой? Объясни подробней! Ты здорова? Тебе нужна помощь?

– Я нормально, – кивала, будто он мог меня видеть. – Пап, ты – моя последняя надежда.

Меня не интересовало больше ничего. Если он поможет добраться до вещей оборотня, я прощу ему все!

– Я бы хотел увидеть внука...

Внука? Я что, оглохла?

– Пап, я... пока не знаю. Я просто хочу его взять в руки, обнять, прижать к себе... Ты не представляешь, какая это пытка!

– Девочка моя...

А я уже не могла говорить. Влажные щеки беспощадно жгло холодом, и не было сил пошевелиться... пока вдруг на плечи не накинута что-то теплое и не утянули на колени. Джастис прижал к себе, и я позволила себе вжаться в него и взять тепла взаймы хоть на несколько минут.

– Пап... я жду звонка, – прошептала и убрала мобильный. Неожиданно стало легко. Я обняла Джастиса, запуская очо-ченевшие руки под распахнутую флисовую кофту, и прикры-ла глаза, утыкаясь ему в плечо. – Не мерзнешь? – прошепта-ла, шмыгнув носом.

– Нет, – еле слышно усмехнулся он.

– У нас с тобой ничего не выйдет...

– Я знаю. – И он провел носом по виску, порывисто вдох-нув. – Ты чужая.

– Что? – выпрямилась я.

На него уже насыпало снега, и особенно очаровательно смотрелись длинные ресницы, присыпанные белым.

– Я думаю, что отец твоего ребенка жив, Лали, иначе я бы тебя забрал.

– А говоришь ученый, – усмехнулась я.

Душа мягко разворачивалась, заполняла пустоты внутри, и в этой теплой тишине вдруг все наполнилось уверенностью – жизнь наладится. Я не знала, как и когда, но все уже двига-лось в нужном направлении, начиная с приезда Ниры и кон-чая объятиями Джастиса.

– Я оборотень, – улыбнулся он.

– Хорошее оправдание, – фыркнула я. – Мне жаль.

– Мне тоже. Но я тебя не брошу. Надо будет побежать за ним – побежишь. А я присмотрю за медвежонком.

– Да куда я побегу? Мне просто нужна его вещь.

Он пожал плечами, многозначительно замолкая.

– Малыш нормально без тебя себя чувствует. Может, ты и Рэм правы – ему нужно знать, что у него есть отец. Для севера это жизненно важно... Он все-таки очень другой. А популяция белых медведей еще не выходила за пределы своего ареала обитания.

– Теперь да, немного напоминаешь ученого, – довольно улыбнулась я.

Он рывком поднялся с лавочки и подкинул меня в руках, заставив взвизгнуть.

– Все! Греться, пить чай и спать! – скомандовал и понес к зданию.

Глава 6. Возвращение

Я пришел в себя посреди бескрайнего снежного поля. В памяти – черная дыра, в теле – дикая тяжесть и отголоски неясной пульсирующей боли. Я лежал медведем под слоем снега и тупо взирал на мутный горизонт. Утро.

Вспоминать было физически больно. Голова взрывалась на каждое шевеление мысли. Последнее, что помнил – адское жжение между лопатками. Я тогда только отошел от перевалочной станции, налегке – хотел просто прогуляться... И все – пропасть. Смутное ощущение подсказывало, что со мной кто-то что-то сделал, но что – непонятно.

Кое-как поднявшись, я побрел в сторону Климптона. Желудок крутило от голода, но охотиться не было сил. Проще добраться до города. Ну как проще... Хорошо, что в Климптоне нет запретов на прогулки в животной ипостаси, только я старался не светить своей уникальной шкурой.

Доплелся до окраины ночью и с трудом обернулся у первого же открытого бара. Ввалиться здесь голышом куда-либо не было странным – Климптон больше город оборотней, чем людей. Хотя и последних это не смущало. Карты тут не в ходу именно потому, что в зубах их не потаскаешь. Вышибала у входа окинул меня суровым взглядом:

– Шмотку?

– Да, – прохрипел, еле стоя на ногах.

– Арден! – рявкнул он в злачное нутро и кивнул мне следовать за подошедшим парнем. – На счет только пиши.

Парень кивнул, и вскоре я уже шарился в узком тесном шкафу секонд-хенда. Так уж повелось, что шмотка для вернувшихся из льдов есть в каждом общественном месте – тут это маленький бизнес. Добираешься до дома и отправляешь вещи обратно.

Руки подрагивали, жутко мутило. Когда нашел более-менее подходящее, выполз, сел за барную стойку и заказал еды.

– Что, охота не удалась? – усмехнулся бармен.

– Видимо, удалась.

Только не у меня. Голова болела все сильнее, и еда лишь немного сняла общую слабость, а в целом я остался едва ли не дохлым. Раздумывал возвращаться ли в квартиру недолго. Предпочел отель.

– Номер, – устало выдохнул на ресепшене и приложил отпечаток пальца к сканеру.

– Добрый день, мистер Нолдридж, – улыбнулась мне девушка и протянула ключ.

* * *

На следующее утро я понял, что дурнота – не единственная и далеко не самая серьезная моя проблема. По телу волнами, пульсируя все сильнее, разливалась боль. Спазмы сбивали дыхание, кожа покрывалась холодным потом, и смутное

понимание, что именно происходит, ни черта не радовало.

У меня была ломка. Никогда не употреблял, но имел смутное представление, в основном, благодаря единственному другу, работавшему в больничке. Ему я и позвонил, еле набрав номер дрожащими пальцами.

Юджин примчался через полчаса. Я еле расслышал стук двери и быстрые шаги – так звенело в голове.

– Киан, мать твою! – разнесло тишину номера его возгласом.

– Тише, – зашипел, стискивая голову. – Не ори.

– Ляг...

Я кое-как навел резкость на друге, полулежа на диване. Со смены – глаза красные, светлые волосы торчком и весь пропах кофе и медикаментами.

– Пульс скалит, – отнял он пальцы от моей артерии и загремел чемоданом. – Я уже Нейла подключил тебя искать.

В Климптоне без связей и знакомств тяжело. Без них искать не будут и в гостиницу к тебе спастись от ломки не прибегут.

– Сколько прошло? – выдохнул между приливами дурноты. Желудок держался за то, что удалось в него запихнуть, но с каждым вдохом угрожал сдаться.

– Две недели от тебя не слышал ничего. Думал, ушел снова фотографировать. – Юджин пошарился в чемодане, потом перетянул от души руку и всадил иглу. – Но сейчас же бури на пустоши.

Бури... Время бурь я планировал провести дома, передохнуть между вылазками. Точно помню, как забивал холодильник едой, чтобы никуда не выходить и не отрываться от обработки материала.

– Киан, следов инъекций нет. Либо кололи в звериной ипостаси. – Мутным взором я смотрел, как он регулирует колесико капельницы на штативе. – Сейчас полегчает. Но ломка налицо.

Устроив руку на подушке, он осмотрел меня с ног до головы.

– Хрень, – выругался. – Кто ж тебя так?..

– Я не помню ничего, – прохрипел на вдохе, пытаюсь сдерживать новую волну дурноты.

– Твари. Тебе в больницу надо.

– Я не знаю, кому попался. Но не хочу снова.

– Думаешь, кто-то из прошлого?.. – И он протянул мне воду с каким-то порошком. – Давай, пей все.

– Ведро принеси на всякий, – мрачно глянул на стакан.

После первого глотка с едой все же пришлось расстаться. Я кое-как выпрямился и завалился обратно на подушки.

Спустя час усилиями Юджина мне все же полегчало. Боль почти прошла, осталась только слабость.

– Пожрать организуешь?

– Ага, – и он выбросил пустую банку из-под энергетика. – Мне тоже не помешает.

За окном медленно светало. Когда в номере стихло, а Юд-

жин тихо засопел, скрючившись в кресле, я уставился на снег, бившийся в стекло.

Что-то было не так. Я помнил боль и мучения, темное забытие и чей-то голос. Меня не оставляло ощущение, что надо куда-то бежать. Не валяться тут, а нестись к кому-то, кто нуждается в помощи. Эти чувственные обрывки воспоминаний танцевали на кончике сознания, дразня и нервируя, будто кто щекотал пером.

Но вспомнить так и не вышло. А потом стало неважно.

После детоксикации полегчало – я мог существовать почти нормально. Но боль осталась. Она возвращалась волнами, била по рукам, сбивала дыхание и опускала на колени, застилая взгляд кровавой пеленой.

Юджин все же уложил меня в больницу через неделю после моего возвращения. Арендванное шмотье пришлось сменить на пижаму. Ему даже удалось снизить боль до приемлемой и поддающейся обезболиванию. Но на этом успехи закончились.

Я вышел из больницы с рецептом на сильнодействующие таблетки. И, наконец, направился домой...

...Квартира встретила настороженной тишиной. А потом робким:

– Боже, мистер Адам...

Из кухни выглянула миссис Вон – моя уборщица.

– Ваш друг приходил, Юджин, оставил мне записку, что вы в больнице. Что с вами?

– Уже все нормально, – огляделся я. Показалось, что ушел отсюда год назад. – Не переживайте.

– Я так испугалась, когда через неделю все в квартире осталось нетронутым... – нерешительно замерла женщина у входа в кухню.

Да, она убиралась у меня раз в неделю. В той жизни, в которой я надеялся, что мне это будет нужно всегда.

– Спасибо, миссис Вон. Но я хотел бы остаться один и ничего не объяснять. И вы уволены. Я отправлю вам расчет на карту.

Я бросил сумку на диван и осмотрелся. Мрачная безжизненная гостиная с рабочим столом и мониторами в углу были моим местом обитания. Спальня справа и кухня слева – все мое логово. Но сегодня меня до зубовного скрежета дернуло обратно в пустошь.

Ощущение какой-то безысходной необходимости бежать к кому-то изводило не хуже боли. Но ее можно было на время притупить пилюлей, а чувства – нет.

– До свидания, мистер Адам, – прошелестело тихое позади и щелкнул замок.

Квартира безмолвствовала. А в душе поселилась какая-то упругая пустота, отталкивающая прежние воспоминания. Я медленно скользил взглядом по своей прошлой жизни и чувствовал равнодушие. Ничто не находило отклика, все стало бесцветным. Реальной осталась только боль... и чей-то зов.

Я так и не прошел дальше дивана в тот день. Растянулся

на подушках и уснул. И выпал в чужую жизнь – солнце, теплый город, стук каблуков по асфальту, обрывки голосов... А потом чувство тепла и кого-то другого рядом. Девушка. Она плакала. Я даже чувствовал влагу, скатившуюся с ее щек на плечо...

Проснувшись, провел пальцами по коже – промок от пота, будто в океан рухнул. Ледяной душ немного привел в себя и примирил с существованием в таком варианте. Но меня интересовала жизнь...

Когда-то я многое сделал, чтобы вернуть ее себе. И не собирался отдавать снова.

* * *

Месяц прошел в тупом созерцании. Я пытался вернуть-ся к работе, но не выходило. Листал кадры, которые ждали обработки, туда-сюда... и не мог вспомнить, что меня привлекло в них. Все казалось пустым. И это пугало до холодного пота. Потому что однажды увлечение фотографией спасло меня.

Я сбежал в этот мир из прошлой жизни, полной крови и боли, и родился заново. Жизнь восстанавливалась кадр за кадром. И, наконец, приняла меня. Ужасы прошлого забылись.

А теперь – пустота.

Жизнь уместилась в отрезок между приемами обезболи-

вающих, а сна я ждал едва ли не больше, чем передышки от физических мучений. Все надеялся, что подсознание приведет меня к разгадке, покажет картину, расскажет о том, кого потерял. Но тщетно.

Я сидел дома, пил обезболивающие, пытаюсь привыкнуть... и метался во сне в чьей-то чужой жизни.

А еще нарастала непонятная жажда. Или голод... Я не мог различить. Тело ломило то ли от последствий наркоты, то ли от какой-то непонятной потребности.

– Киан, от наркотиков может нехило по мозгам ударить, – увещевал меня Юджин. – Давай-ка пойдем к неврологу и психиатру, обследуем твою голову. Кто знает, чем именно тебя пичкали...

А я просто слушал его и молча глотал прописанные таблетки, чувствуя приближение новой волны боли. Меня тянуло не спасать свою жизнь... а что-то с ней сделать, утолить эту потребность.

Однажды во сне я извернулся схватить ту, которая не давала покоя, и даже удалось рассмотреть мельком лицо – глаза большие, голубые, испуганные... красные от слез. Губы искусанные... И пахла она так одуряюще, что у меня аж голова закружилась...

Но удержать сон не вышло, и я проснулся злой и возбужденный настолько, что в паху, казалось, лопнут вены. Ночь со шлюхой не помогла. Вымотал девчонку до полного изнеможения, но самому легче становилось лишь отчасти и нена-

долго. Я будто пил водку вместо воды, пытаюсь утолить жажду, а добивался большего обезвоживания. Впору было либо ложиться в больницу, либо все же отдаться зову...

Однажды утром я подошел к окну и, взглянув вверх домов, почувствовал слабый толчок жизни в груди. Меня снова потянуло в ледяную пустыню так, как никогда прежде. Чутье не подводило ни разу. Нужно было просто перестать бояться пустоши – не она меня предала. Наоборот – позволила укрыться и сбежать, заметя за мной следы. Нужно было возвращаться... и искать их.

И я больше не стал мешкать – собравшись, уложил вещи в снегоход и поехал к перевалочной базе.

– Привет, – встретил меня у ворот старик Лова. – Давно не было! Пережидал бури?

Как обычно – шапка вся в ледышках, от самого несет перегаром. Я не знал его настоящего имени, меня и кличка устраивала. Если бы он не был волком, уже бы либо печень крикнула, либо замерз к чертям собачим.

– Да, – коротко кивнул.

– А про тебя спрашивали... – он шмыгнул носом, ожидая реакции.

– Кто? – подобрался я. – Люди?

– Нет, – мотнул он головой. – Наши. Суровые такие, в костюмах.

Я сузил глаза, глядя на горизонт, стараясь не показывать старику, что меня это волнует.

– Надеюсь, ничего не сказал им? – хмыкнул равнодушно.

– Та что мне сказать? – пожал он плечами. – Они искали белого медведя, а не кого-то конкретного.

По спине прошел волной озноб.

Откуда Лове знать, что я – белый медведь? Я тщательно заметал следы, оборачивался далеко в лесу.

– Понятно, – кивнул, сделав вид, что ничего не произошло.

Больше ноги моей тут не будет. И этого ублюдка надежней будет прикопать в снегу, чтобы не разнюхивал что-то, что потом можно продать за бутылку водки.

Когда перевалочная база осталась позади, я оставил ненужные вещи в сумке у седла, а необходимое сложил на сани и спрятал снегоход, припорошив снегом в небольшом лесу. Сани мне сделали по заказу – легкие, вместительные и, главное, система сама затягивалась вокруг тела, стоило в нее лечь.

Я не любил сутками бродить в звере. Фотокамеры требовали температурных условий, ночевки под открытым небом на холоде не выдерживала даже термосумка, в которой я их хранил. Да и фотографировать лапами не выйдет. Предпочитал ночевать в палатке с комфортом в обычном тепле, разглядывая получившиеся кадры на портативном мониторе.

Мне нравилась моя жизнь до всего этого. Полная свободы передвижения и творчества, нашедшего отклик в сердцах людей, она казалась мне идеалом. Юджин называл меня

чокнутым, а мне просто нужна была страсть такой величины, чтобы заполнить чернь, что наполняла прежнюю жизнь.

В этот раз я тоже взял все с собой в надежде, что меня оживит родная стихия. Только шел я не в поиски видов, а руководствуясь каким-то чутьем, еле ясной тягой куда-то, где станет легче.

К заброшенной базе вышел через трое суток, да и то только потому, что ходил последний день кругами. Внутри все ошпарило от внезапной уверенности – это моя цель. Ту ночь я не спал – кружил медведем вокруг, принохиваясь. Запахи людей и техники были слабыми и ненасыщенными, будто остаточными. И никаких признаков жизни.

На следующую ночь я решился подойти ближе. Добрался до люка, но тот оказался закрытым... и опечатанным. Следов сигнального оборудования тоже не нашлось.

Покрутившись у замка медведем, я вернулся днем уже в обычном облике, не таясь – не осталось сомнений, что никого тут нет. Если я проберусь внутрь, никто не узнает. Да и неудивительно – слишком далеко и холодно, датчики не выдержат.

Вскрыть двери у меня заняло еще четверо суток – пришлось вернуться в город за оборудованием. Обрато я тащил на себе много всего, что могло понадобиться на заброшенной базе, начиная с инструментов и заканчивая огнестрельным оружием. Двери поддались, и вскоре передо мной оказался темный коридор.

Я направился по нему, ступая, как по минному полю. Внутри меня все натягивалось и скручивалось пружиной – такой страх и злость вызывало это место. Я шел не по отсекам, а по натянутым нервам. Определенно, место было мне знакомо.

Но того, кто звал, тут не оказалось.

По крайней мере, не сразу...

Уже когда разобрался с генератором и запустил систему жизнеобеспечения, наткнулся на лабораторию на нижнем этаже. И вот тут зверь уперся бы всеми четырьмя, будь я в его ипостаси. И все равно заставить себя войти внутрь стоило труда. Распахнутая клетка не оставила сомнений, кого именно в ней держали. Но следы деятельности «подмели» качественно – ни препаратов, ни запахов.

Когда стемнело, я направился в жилые отсеки. Побродив по комнатам, наткнулся на одну, в которой вдруг дернуло все нервы разом. Тут не убирались. По крайней мере, запахами никто не озаботился.

И это натолкнуло на мысль, что прятали тут все не от простых людей, а именно от оборотней. Может, тех, кто приходил к старику Лове?

Но все это стало неважным, когда приблизился к кровати и опустился на колени. В груди задрожало от волнения и неясной тоски. Я сгреб простынь и притянул ткань к лицу, прикрыв глаза. По памяти, как по мокрой гальке, зашелестели смутные воспоминания – дыхание... рваное... вскрик бо-

ли и стон... чувство скольжения чужих пальцев по коже... и дикое наслаждение, на которое тело среагировало моментально.

Я сцепил зубы от удара резкой боли в пах. В глазах потемнело, и я выпрямился, делая шаг назад. Это было слишком... больно, сильно, наживую. Терпеть эту наполненную воспоминаниями пустоту было невыносимо, и я вышел, закрыв комнату.

Глава 7. Ожидание

Шли дни.

Я обосновался на базе. Разобрался с системами управления, превратил одну из комнат в свою рабочую зону и перевез сюда все оборудование из квартиры. Забил холодильник мясом, бегая на охоту. Отсюда до всех моих маршрутов было лапой подать, и я надеялся, что меня исцелит одиночество и работа.

Мои фотографии изменились. Белый сменился красным. Я ловил редкие моменты освещения, взбирался на вершины в погоне за закатом, начал использовать цветные фильтры... Но фотографии продолжали охотно брать в публикации. Потому что только я мог показать им север во всех его проявлениях, и даже через призму моей боли он был прекрасен.

Процесс и правда лечил. Только превратился в гонку со смертью. В погоне за кадром я рисковал все чаще, сознательно отправляясь в опасные места. Иногда ловил себя на мысли, что лучше сдохнуть, чем вернуться без очередного стоящего кадра, который даст передышку. Я будто стал наркоманом, только зависел от адреналина и чувства удовлетворенности кадром.

Критики захлебывались восторгом – никогда я не поднимал такую шумиху вокруг себя и своих работ. А меня инте-

ресовал только очередной вызов, на который этот край был щедр. Какая мне разница, что будет завтра, если вернется боль? Какой вообще смысл? Какого черта я ждал на этой базе, покидая ее лишь ради крайней необходимости?

Я выбирался в город закупить отличной от мороженого мяса еды, сбегать к Юджину за обезболивающим да боеприпасами запастись. Друг крутил у виска, настаивая на психиатре. Все это действительно больше казалось трюком мозгов и обманом. Потому что ночами я видел девушку. Она ходила по снегу босиком и звала за собой...

Зацепиться за ее черты не удавалось, но это и не было нужным. Я слышал звуки, запахи, обрывки каких-то фраз... И однажды – плач ребенка.

Проснулся в холодном поту с колотящимся в горле сердцем.

Тогда мне показалось, что чутье впервые обмануло, и не здесь мое место, но куда бежать – я не знал...

* * *

– Киан...

Я недовольно прижал аппарат к уху. Какого черта только включил его! За мной секунду назад захлопнулись двери квартиры, и я не намеревался сегодня ни с кем больше разговаривать.

– Нейл, я занят. – Невежливо вышло, но с любезностью у

меня становилось все хуже.

– Слушай, дело есть. Наши очень просили. Заедь ко мне ненадолго. Ты мне должен, помнишь? Самое время вспомнить.

Я только шумно выдохнул через сцепленные зубы. Если не выеду сейчас, придется переться по темноте, а я не любил этого. Но Нейлу действительно был должен – он приложил немало усилий, чтобы мои следы потерялись в снегах и никто из прошлой жизни не смог меня найти. Создал для меня новую жизнь под именем Адама Нолдриджа...

...Я был в участке через пару часов. Потому что по улице было проще медведем пробежаться, но не проехать на снегоходе. Увидев меня в коридоре, Нейл махнул рукой тормозить и вскочил навстречу. А я смотрел, как он пробирается ко мне через затор посетителей в коридоре и чувствовал небывалое в последнее время – радость кого-то видеть.

Полный лысеющий коротышка оказался на самом деле человеком с добрым сердцем. Нас познакомил Юджин, к которому я загремел в больницу с огнестрельными. По большому счету, они оба были моей семьей. А я иногда забывал, что для семьи лучше, если ты будешь с проблемами, но рядом, чем где-то вне досягаемости.

– Привет, – выдохнул виновато, когда Нейл едва ли не выпал мне в руки, запнувшись о вытянутые ноги какого-то бомжа.

– А, черт! – встряхнулся он. – Привет! Пошли. – Он про-

вел меня в комнату для допросов, но сесть не предложил. И только это немного смягчило следующий вопрос. – Ну как ты?

Я опустил взгляд виновато:

– Все нормально.

– Совсем себя не жалеешь, – тревожно вглядывался в мое лицо. – Последний снимок сделал в черных пещерах...

Да, рисковал я там запредельно – черные пещеры вот-вот обвалятся, подтопленные водой.

– Ты мне лекцию почитать позвал? – насупился я, опираясь спиной о стенку.

– Что у тебя происходит?

Я уже подумал, Юджин ему рассказал. Но нет...

– Тяжелые времена. Пройдет, – оттолкнулся я, выпрямляясь. – Нейл, мне правда надо спешить...

– Слушай, ко мне из Смиртона обратились, – он вытащил мобильный с заметкой. – Они просят сопровождение в пустошь. Я пообещал, что у них будет проводник.

Я нахмурился, опускаясь задом на край стола, чтобы не нависать над Нейлом, если придется отвечать ему одним взглядом.

– Кому? – хмурился я, чеканя вопрос.

– Знакомый один, ученый. Умолял меня помочь.

– Зачем?

– Я точно не знаю. Знаю только, что они базу строили где-то недалеко, ходили к нам за разрешениями. Вот и познако-

мились. Хороший мужик. Старой закалки, мало таких сейчас...

Хорошо, что я сел. В горле пересохло. Кого вдруг понесло на «мою» базу и что они там забыли?

Я попросил Юджина не рассказывать Нейлу о случившемся. Мое исчезновение приписали буре, мол, переждал, когда уляжется, не успел уйти. И не зря.

– ...Базу пока закрыли – не хватило финансирования, – продолжал Нейл. – Но что-то им там понадобилось снова.

– Что? – повторил вопрос.

– Что-то из оборудования. Думали, раньше вернутся, а ситуация затягивается.

– На кой тебе это надо, Нейл? – сузил я глаза.

– Наши отцы учились вместе, представляешь, – всплеснул он руками, наивно улыбаясь. – В Смиртоне. Я когда фото увидел – не поверил! А как нас разметало по миру! Я сто лет уже никого не встречал из столицы, а уж на пенсию скоро. А тут...

И он развел руками. А я закатил глаза.

– И много их? – потребовал глухо.

– Один. Одна, вернее.

Мои брови поползли на лоб.

– Киан, какая тебе разница?

– Погода сейчас нестабильна, – процедил я, тяжело дыша. – Если накроет снегопадом, можно на неделю застрять, а то и больше.

– Я говорил. Но там что-то очень важное, – фыркнул Нейл. – Ты б видел ее! Чуть не плакала...

Этого мне только не хватало.

– Платят хорошо, но я знаю, что тебе плевать. Поэтому прошу – своди девочку туда-обратно. С тебя не убудет.

Свожу, конечно. Раз она рвется по-тихому что-то забрать, значит, была там. Вдруг она знает, что произошло на базе? А вдруг и меня узнает? И тогда я из нее вытрясу все...

– А если случится с ней что? – нахмурился я. – Девушек я водить не нанимался, нежностей не обещаю...

– Тогда голову мне оторвут, – пожал плечами Нейл. – Только и всего...

Ладно, трясти придется нежно. Я молча поднялся.

– ...Завтра в восемь быть тут, – правильно понял он мое хмурое молчание.

И я направился домой в мрачном предвкушении.

* * *

Я уже бывала в Климптоне в первый приезд на базу. Но сейчас черно-белый город, будто его черты были остро заточены, врезался своими видами в душу. Тут было жутко совсем одной. Непривычно. Город выглядел неуютно – невысокие дома, собранные в жилые районы, небольшой деловой центр с высотками и широкая полоса окраины, опоясывающая город. Ни парков, ни детских площадок. Дороги и пу-

стыри.

Отец, несмотря на то, что не имел доступа в Климптон, пока шло расследование, и правда сделал все, что мог – достал мне пропуск в город, договорился со знакомым, чтобы меня проводили, и обещал, что обо мне позаботятся.

Из аэропорта я сразу поехала к человеку, контакт которого он дал. А когда обо всем договорились – отправилась ночевать в гостиницу.

Ночь я почти не спала, вскидываясь каждый час и упираясь взглядом в окно. Снег шел вчера весь день, и я уже испугалась, что застряну здесь надолго, но наутро неожиданно распогодилось. Окна сплошь заволочло узором, но сквозь него искрило солнце.

Прежде чем уехать, я набрала Джастиса по видеозвонку. На базе связь сбоила и раньше, и не было гарантий, что она там будет и я смогу посмотреть на малыша и узнать, как он. Джастис ответил не сразу, и это разогнало сердце за пару секунд, но вскоре в окошке вызова показалась мятая небритая физиономия:

– Лали... привет, – прокряхтел он. – Как долетела? Тебе нашли проводника?

– Да, все по плану.

– Хорошо, – он перевел экран на кювез. Ничего не менялось – датчики рисовали линии, отмерял быстрые удары сердца кардиоприбор. – У нашего бойца все стабильно. Не переживай. Читаю ему сказки, что ты оставила.

А я смотрела на своего ребенка и улыбалась, мысленно увещевая его подождать. Почему-то была уверена, что все у меня получится. Сгоняю на базу – четыре дня всего! – и на пятый уже умчусь обратно в Смиртон.

Я попрощалась с Джастисом и, еле дождавшись восьми тридцати, набрала полицейского, с которым свел отец. Он ответил сразу же:

– Ждет вас у входа в гостиницу. Такой высокий угрюмый тип со снегоходом...

Я подхватила рюкзак и быстрым шагом направилась к лифтам.

– ...Вы только не обращайте внимание на его нрав, он на самом деле очень хороший и отзывчивый малый. А главное – север знает, как свои четыре лапы! Вы с ним в безопасности.

Я как раз вышла из лифта и направилась к дверям. Гостиница была маленькая, двухэтажная, а ступени занесены снегом вровень с входом, поэтому на «угрюмого типа» наткнулась сразу же, как только за мной с грохотом захлопнулись тяжелые двери.

Он стоял у большого двухместного снегохода с прицепом ко мне спиной. И правда высокий. А еще без шапки, и в легком пуховике. Ах да, оборотень же...

– Нашли? – беспокоился полицейский.

– Кажется, да, – бодро ответила я.

– Дайте ему трубку.

– Простите, – окликнула я мужчину. – Вас просят к...

И тут он обернулся. А я так и замерла с открытым ртом, холодея внутри и снаружи. Да, нужно было быстро брать себя в руки, не подавать вида... но я не смогла. Потому что это был он – мой медведь. Хозяин моих снов и отец моего ребенка.

Глава 8. Встреча

Его взгляд тяжелел с каждой секундой, брови сдвигались на переносице, а губы кривились в злой усмешке. Он медленно вскинул руку и отнял трубку от моего уха:

– Да, Нейл...

Я тяжело сглотнула, но на этом все, потому что он будто держал меня своим взглядом на прицеле. Дернусь – мне конец.

– ...Да, все нормально, – отвечал он ровно полицейскому. – Не переживай. Доставлю в целости... Да, до связи...

Он не вернул мне аппарат. Убрал его в карман куртки. То, что у меня есть еще один, выданный отцом, немного успокоило.

– Я тебя знаю, – заглянула я в его глаза.

– Я знаю, что знаешь. – А теперь его голос задрожал злостью. – И ты мне все расскажешь...

– Расскажу, – согласилась с готовностью.

– Садись, – приказал он, кивнув на заднее сиденье.

Я растерянно нахмурилась:

– Зачем?

– Ты же на базу собиралась. Вот и проедемся, – приблизившись вплотную, он навис надо мной. – Расскажешь с экскурсией, в красках, какого черта там происходило и что вы со мной сделали...

Тут я поняла, что все мои предчувствия, что все будет хорошо – дурь. Рассказать ему, что у меня ребенок от него? Он прибьет меня тут же, потому что подумает, что ради этого его и держали.

Почему нет? Он один остался, а людям нужны оборотни его уровня для контроля остальных. Только медведей боятся дикие волки, расплодившиеся как в лесах близ Смиртона, так и здесь на Севере.

Логично предположить, что его накачали и заставили овладеть человеческой женщиной... как и друга Рэма. Вика рассказала, что люди ставили над ним эксперименты, пытаюсь подобрать женщину. Даже думать об этом страшно, не то что пережить...

И мой Медведь, скорее всего, подумает так же. Я не смогу ему доказать, что наша связь – случайность, а ребенок рожден мной в секрете от людей.

На что вообще я надеялась, подчиняясь – непонятно. Но выбора у меня не было. Если он не отдаст мне свою вещь, я не спасу своего сына. А если не спасу... какой тогда смысл вообще?

В его глазах черным пламенем горела жажда жизни и свободы. И решимость перегрызть глотку каждому, кто встанет поперек дороги. Потому что после всего, что с ним сделали, жить, видимо, у него получается плохо. Иначе не хватался бы так за возможность все узнать, рискуя снова оказаться в клетке. Это я знаю, что ему ничего не угрожает и что он дав-

но под защитой прав оборотней. Он мне не поверит.

– Ты точно не хочешь поговорить тут? – сделала я робкую попытку. – Нам не нужно...

– Я буду решать, – перебил он угрожающе. – Садись.

Я повиновалась. Уселась на сиденье, он пристегнул меня ремнями и при этом задержался на секунду взглядом, сузив злые глаза, но тут же отвернулся и сел за руль.

Снегоход тронулся, и в лицо ударил холодный ветер. Я опустила на глаза маску и натянула капюшон. Понятия не имела, к чему это все приведет. Найти целого папу вместо его свитера могло бы показаться удачей, о вряд ли ей было. Я понятия не имела, какой он человек. Да и зверь – тоже.

* * *

Я гнал по пустоши, вцепившись в руль, будто пытался убежать... Только как, если то, от чего бежал, сидело позади? Пока стоял от нее на расстоянии, было легко – надавить, усадить в снегоход и установить свои правила. Но когда подошел ближе, чтобы пристегнуть, мне в грудь будто выстрелил кто, и дыру заполнило жгучим пламенем...

Это ее я видел во сне. Это ею пахли простыни в той комнате! Это она не дает мне жить воспоминаниями о себе! И взгляд этот я уже видел раньше... Эта девчонка точно знает все.

Я стискивал зубы, надеясь, что наваждение пройдет, ве-

тер выбьет из головы туман и остудит мысли. Но стоило слуху уловить позади ее крик, жар подскочил к горлу и выбил воздух из легких. Я сбавил скорость и остановился. Впереди возвышалось подножие гор, и нам предстояло взять правее...

– Прости, можно передохнуть? – отстегнулась она. – Чаю выпить... Я не завтракала.

Я обернулся, не подумав, и, зло дыша, залип на тонкой фигуре в белом комбезе. Она пахла теперь даже с расстояния. Как же захотелось курить! Хотя немного бы забил ноздри другим запахом! Но, к несчастью, я давно бросил. А девочка самозабвенно расчехляла свой рюкзак.

– Будешь чай?

Я только отвернулся, стиснув зубы:

– У тебя пять минут.

– За пять минут я не успею.

– Твои проблемы.

Она помолчала позади, и я уже думал, заткнулась.

– Твои проблемы – не моих рук дело, – заявила вдруг.

– Неужели? – повернул к ней голову.

– Я пыталась тебя спасти.

И посмотрела на меня так уверенно и серьезно, что в другой ситуации меня бы это, может, и заинтересовало. Но сейчас грудь сдавило знакомой жаждой, и та ударила в живот горячей волной. Я вообще не мог думать в ее присутствии и вспомнить, чего от нее хотел. Потому что все больше хотел

одного...

– Рот закрой, – рявкнул грубо. – Две минуты.

А сам зачерпнул снега и протер лицо. Я буду гнать снегоход всю ночь, лишь бы побыстрее в моем распоряжении появилась стенка, к которой припру девчонку...

...Но планы мои ей не понравились. Когда начало темнеть, она встала в позу... чуть не плача.

– Я не могу больше! – доносились в спину ее крики. И в груди все же шевельнулась жалость – она день не разгибается в кресле.

Жалость... Давно забытое слово в этих местах, и даже те, кто приходят издалека, перестают отдавать ему должное. А я вдруг вспомнил. Свернул в сторону своей обычной стоянки под защиту скалы и уже через полчаса соскочил со снегохода.

Она слезла следом:

– Спасибо! – хрипотца в ее голосе не позволила язвительности расцвести в полной мере.

Я молча осмотрелся и прошел к прицепу. Не было времени принюхаться – не хотел чувствовать запах девушки. Стащил палатку в чехле и принялся за установку. Слышал – снова взялась за термос. Наверное, и проголодалась... Стоило тряхнуть башкой, чтобы выбить из нее несуразные мысли. Какое мне дело? Ей было дело, когда я торчал там – в клетке на базе? Спасительница...

От злости дело спорилось быстрее – через полчаса утепленная палатка уже грелась теплопушкой. Я повесил внутри светильники, разложил кровать. Ей. Спать с ней в одном пространстве казалось не то что невозможным, а фатальным. Хотя какая-то другая сущность довольно взирала на то, как девчонка юркает за полог. Прячется в мое жильё. Вся она – моя...

Я зарычал, недовольный подсказками. Мой зверь сходил с ума? С чего ты взял, идиот, что она – твоя? Кто так задурил твою голову?

Я скинул чехол в прицеп, зло стиснув зубы. То, что отношения с людьми возможны, я знал...

...но стоило закрыть глаза, и память ставила шерсть дыбом на загривке от воспоминаний...

Начало собственной жизни не задалось. Я рос в стае белоглазых тварей – помесей на редкость жутких людей с волками. Не было в них ничего ни человеческого, ни животного. Год за годом я видел кровавый снег во сне и стеклянные глаза матери, глядящие в небо.

Но волю к свободе сломать несложно. И я жил вопреки жажде смерти, обеспечивая стаю убийц неприкосновенностью перед другими такими же тварями. Климптон стоял на границе самого красивого уголка мира снаружи и самого ужасного – в глубине.

Я никогда больше не подхожу к лесам в низине, предпо-

читая бродить в самой холодной части материка. Рывок на свободу едва не стоил жизни, и больше я не испытывал шкуру на прочность.

До этого времени.

Я не позволю кому бы то ни было прогибать меня под себя и угрожать смертью...

– Прости, я не знаю твоего имени... Ты будешь есть?

Я прикрыл глаза, замирая к ней спиной. Внутри все дернулось в ее сторону, но я остался стоять, будто примороженный.

– Тепло не выпускай, – глухо прорычал, оборачиваясь. А она и не выпускала. Стояла перед плотно опущенным пологом с чашкой горячего чая. – Не надо мне казаться милой.

– Я не планировала казаться тебе милой, – устало качнула она головой. – Мне просто страшно, что ты уйдешь.

Я сощурился на нее недоуменно. Она боится, что я ее тут брошу?

– Я еще не знаю, есть ли мне за что тебя ТАК наказать.

– Нет, – вздернула подбородок девчонка, и зверь внутри одобрительно зарычал. – Но ты же меня не слушаешь.

– Иди в палатку, – процедил. – Я не брошу тебя. Меня друг попросил тебя вернуть, и я не могу нарушить обещание.

– Хорошо, – приняла она мою гарантию. – А есть ты будешь?

Непонятный смешок сорвался с губ быстрее, чем я успел его подавить.

– Я смотрю, тебе не особенно нужна была палатка, – сузил зло глаза. – Может, поедем дальше?

Повторять дважды не пришлось – она скрылась за пологом, а я опустил плечи. Чувствовал себя так, будто сутки лазил по скалам с самым тяжелым объективом. Руки дрожали...

Только в одну секунду все ощерилось и напряглось внутри, а потом ветер донес волчий вой. Я влетел в палатку и, не глянув на девчонку, принялся раздеваться.

– Что случилось?

– Волки, – глухо выдавил.

– Это опасно?

И она тихо села на коврик. Я глянул на нее из-за плеча. Без пуховика она была еще меньше, а съезжившись вообще вызывала недоумение – как такая додумалась сюда припереться? Этот мир не для нее.

Я отвернулся, сцепив зубы, стянул футболку и штаны и вышел наружу.

Глава 9. База

Я долго не могла себя заставить пошевелиться. Хоть в палатке быстро потеплело, тело сковало ледяным страхом.

Этот мир никогда еще не был так близко. Занесенный снегом и прекрасный издалека, он был невероятно опасен в каждой своей детали. Ледяной воздух и низкая температура грозили смертью каждую секунду, если бы не специальная одежда и вот такие вот приспособления бывалого ходока, каким оказался папа моего малыша. Он чувствовал себя здесь так, как я в теплой гостиной собственного дома в солнечный день.

Только новость о волках привела его в полную боевую готовность.

Странно, ведь медведи диких волков особо не боятся, а в Аджуне волки вообще живут спокойно...

Когда снаружи послышалось глубокое рычание, я подкралась к пологу и отодвинула край. В свете луны перед палаткой встряхивался огромный медведь, загораживая вид на долину внизу. А я так и замерла, замороженная зверем...

Каким бы обыденным это явление ни стало для нашего мира, оно все равно с трудом умещалось в голове – превращение из человека в животного, которое лучше приспособлено к жизни в мире, понимает его законы и чувствует тонкости. Как ошибочно люди полагали, что создали ограничен-

ное существо. Черта с два! И неудивительно, что эти полузвери ввергают нас в ужас – мы не контролируем их, не знаем их законов.

Осознание своей беспомощности пугало... но раскрывало величие этого края и самого сильного его хищника.

Когда медведь вдруг заревел, я вздрогнула и захлопнула полог.

Чего он боится? Что волков будет очень много и не одолеет? Но вроде это для них не проблема – волки их не переносят генетически, сколько бы их ни было...

...Ночь прошла нервно. Я привела себя в порядок, переложила вещи, поужинала... Особую ненависть в таком походе вызывали памперсы, но зад на улицу не высунешь – отмерзнет вмиг. Поэтому приходилось принимать условия и с трудом добиваться комфорта. Когда чай в термосе кончился, я заварила новый. Сидела, покачиваясь, на кровати – о сне не было и речи. Но неясная полудрема то и дело одолевала. И я снова возвращалась в тот день, когда появился сын... и чувствую, что я в надежных руках. Я же не хотела возвращаться тогда в реальность – так мне, казалось, было необъяснимо хорошо в той иллюзии. Только реальность оказалась жестокой.

Медведь вернулся через несколько часов, но становиться человеком не спешил. Я слышала, как порывкивал и ворочался у палатки. Опасность все еще была? Или дело в чем-

то другом? Мне невыносимо хотелось его потрогать, поговорить... Чтобы из взгляда исчезла ненависть и злоба, объектами которых я стала по стечению обстоятельств. Но как к нему подступиться, если он рычит на любую попытку?

* * *

Волки ушли, но то, что оказались вдруг так далеко от леса, мне не нравилось. Какого черта вышли на равнины к горам? Эта территория – не их, и выгнать их сюда могла только крайняя необходимость.

Потеря защиты для стаи Разии могла обернуться войной с обиженными их самоуправством и безнаказанностью кланами. Рано или поздно все в округе прознают, что медведь не защищает больше стаю... Дела у Разии так плохи, что волки сбежали на равнину? Могли. И это нервировало так, что я еле заставил себя утром обернуться. Да и то лишь сунув морду в палатку и глянув на спящую сидя девчонку. Осознание огрело больно – медведь защищал ее, как свою самку!

– Да что б тебя! – прорычал сквозь зубы.

Самое паршивое – боль возвращалась. Накатывала волнами, сводя судорогой мышцы. Злость застилала пеленой глаза – я ненавижу эту боль всем существом! Осознание, что все равно проигрываю, бесило. Я потерял время в городе, теперь с девчонкой... И мне нечего противопоставить своему разуму, чтобы отвлечься.

Когда вошел в палатку за вещами, она уже не спала.

– Как твое имя? – прохрипел, вытаскивая вещи из-под спальника.

Достало уже называть ее про себя девчонкой.

– Лали...

Я поморщился.

– ...Что? Не нравится?

– Нет, – даже не задумался.

– А я не обязана тебе нравиться.

– И правда, – усмехнулся. Есть хотелось зверски. Но стоило ей осторожно пошевелиться, захотелось другого. Я медленно поднял взгляд и еле успел натянуть штаны, чтобы спрятать все непроизвольные реакции. – Что вы со мной сделали?

Она выпрямилась, чувствуя угрозу, но мешкать не стала:

– Я не знаю. Я не принимала в этом участие.

– А в чем принимала? – потребовал, не спуская с нее взгляда.

Мне хотелось ненавидеть ее все больше. Но зверь гнул другую линию.

– Ни в чем.

Она опустила глаза, и я машинально последовал ее примеру, только вдруг в памяти вспышкой пронеслось воспоминание: клетка, холодный кафель, мои голые ступни... и она стоит на носочках. И кусок ветчины у ног. Я моргнул, сжимая зубы до скрежета. Волна слабости прошла по телу, захо-

телось медленно осесть на землю и растянуться на спине у ее ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.